

Александр Михайловский
Юлия Маркова

РЫВОК К ЗВЕЗДАМ

16+

Юлия Маркова
Рывок к звездам

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Маркова Ю. В.

Рывок к звездам / Ю. В. Маркова — «ЛитРес: Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1258-2

Межзвездный линкор галактической империи проваливается из другой реальности в наши дни. На его борту нет команды, и искусственный интеллект корабля, оказавшись в окрестностях Земли, обнаруживает, что Империи в этой реальности не существует. Сверившись с Главной Директивой он решает создать Империю заново. При этом заложенные в него императивы запрещают тревожить материнскую цивилизацию, позволяя работать только с эмигрантами, которых следует доставить на планету Новый Рим. Теперь искусственному интеллекту корабля необходимо найти на Земле кандидата в императоры и собрать для него подданных. Обложка изготовлена по индивидуальному заказу.

ISBN 978-5-5321-1258-2

© Маркова Ю. В., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Шаг за порог	8
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Пролог

В далеком-далеком будущем, в другой альтернативно-исторической ветви жила-была одна великая космическая империя человечества. Все в ее прошлом было не так, как у нас. Константинополь в этом мире в 626 году был разорен, сожжен и разграблен аваро-славяно-персидским войском, поэтому выросла она из Священной Римской Империи Германской Нации, еще в конце девятого века разгромившей авар и сумевшей запустить процесс общеевропейской централизации. Одним словом, это был жестокий хищник, не стесняющийся, когда потребуется, проливать реки крови. И в то же время империя эта являлась полноценной организующей, направляющей и просвещающей силой, не позволившей тьме Средневековья опуститься на Европу. Что было тому причиной? Возможно, после гибели Константинополя сработали косвенные компенсационные процессы, а возможно, виной всему стали беженцы из просвещенной Византии, спасающиеся от аварского погрома.

Одним словом, человечество под руководством неоримлян, искренне считающих себя единственным образцом для подражания, быстро выросло, цивилизовалось и вышло в космос, а затем проложило дорогу и к звездам. Там, у чужих звезд, неоримляне вступили в схватку за жизненное пространство с населявшими Вселенную негуманоидными, гуманоидными и псевдогуманоидными расами, при любой попытке сопротивления без единой слезинки прибегая к геноциду. Впрочем, тех кто готов был принять римские порядки, римское право и латинский язык за единственный верный образец, неоримляне всеми возможными средствами стремились сделать «своими» и включить в политическую и социальную структуру своей империи. В самый разгар этих войн за жизненное пространство, когда Империя находилась на вершине могущества, а один Великий император сменял на престоле другого Великого императора, была построена серия огромных космических кораблей, на которые возлагалась обязанность по прорыву планетарной обороны. Одним из таких сверхмощных линкоров планетарного подавления и являлся злосчастный *Spatium Mihi "Indestructible"*¹, гордое имя которого призвано было наводить трепет перед мощью создавшей его цивилизации. А злосчастным он был вот почему...

Совсем новенький боевой корабль пропал во время своего первого перелета с планеты-верфи на базу космического десанта, где на его борт должны были подняться бойцы отдельного десантного корпуса, прикомандированного к «Несокрушимому», и строевая часть его команды. Линкор просто исчез, и вместе с ним сгнули без следа и механические чины, в полном составе вступившие в должности еще во время завершения процесса постройки корабля.

Следователи Имперской тайной полиции безопасности, перерывшие вверх дном всю верфь, установили факты, свидетельствующие о подготовке к мятежу. Большая часть механических чинов, в том числе и старший инженер линкора, происходили с относительно недавно завоеванной окраинной планеты, дикое псевдогуманоидное население которой первоначально выказало большую лояльность к имперским порядкам и законам, а также тягу к латинскому языку и образованию. На самом деле интерес к этому у вождей этого народа был сугубо практическим, направленным на завоевание личной власти и установления своего господства на территориях империи, а буде сие не получится – то на организацию вооруженного восстания и отделение от человеческой цивилизации. Захват «Несокрушимого» – первого из уже построенных кораблей этого типа – призван был стать ключевым элементом той стратегии, на которую собирались опереться мятежники.

¹ **Примечание авторов:** космический линкор «Несокрушимый» (лат.)

Но все пошло не так, как хотелось бы повстанцам, даже несмотря на то, что мятеж был внезапным и все преданные императору погибли, не сумев оказать мятежникам достойного сопротивления. Сопротивление смог оказать искусственный биоэлектронный мозг линкора, в котором содержались безусловные императивы верности империи. Он принял самые радикальные меры к подавлению мятежа. Во-первых – вся внутренняя атмосфера линкора была выпущена в окружающий космос. Во-вторых – помещения команды были полностью обесточены. В-третьих – управляющая навигационная система начала самостоятельно прокладывать курс на базу десанта.

В свою очередь, мятежники, больше половины которых сумело добраться до скафандров, используя автономное аварийное оборудование, пытались в ускоренном порядке размонтировать джамп-генератор, чтобы лишить корабль межзвездной подвижности и повредить сам электронный мозг, но по возможности так, чтобы сохранилась возможность отдачи команд в ручном режиме. В противном случае неуправляемый линкор через некоторое время в обязательном порядке превращался в огромный гроб.

От планеты-верфи до базы космического десанта три межзвездных прыжка, с двумя навигационными паузами для ориентации, примерно по два часа. И если первый прыжок прошел, в общем-то, нормально, потому что мятежники почти ничего не успели сделать, то во время второго скачка полуразобраный джамп-генератор «сорвался», потому что одной из первых мятежники случайно отключили предохранительную схему, не позволяющую совершать прыжок на неисправном оборудовании. Последствия прыжка на частично неисправном прыжковом оборудовании с нарушенными схемами пространственно-временной балансировки, как правило, непредсказуемы. Корабль может бросить в прошлое, один из вариантов будущего, другую ветвь реальности или во всех направлениях сразу – то есть туда, откуда еще никто не возвращался.

Так вышло и на этот раз. Мятежники на борту «Несокрушимого» умерли все и сразу, потому что сломанный джамп-генератор на мгновение забросил корабль в те области Мироздания, в которых невозможна биологическая жизнь. Но там «Несокрушимый» не удержался, и, как санки с горки, скатился обратно, в обычное пространство, но не в ту ветвь реальности, из которой он был родом, а в иную, образовавшуюся в результате нескольких корректировок свыше. К тому же его отбросило почти на десять тысяч лет назад и на пару килопарсеков в пространстве, в окраинную, бедную звездами часть Галактики – примерно туда, где располагалась полузабытая, во времена «Несокрушимого» почти непригодная для жизни, прародина человечества.

Первое, что делает человек, попадая в подобную ситуацию – оглядывается по сторонам и приводит в порядок свою одежду. Первое, что сделал биоэлектронный мозг «Несокрушимого» – это активировал роботов-уборщиков приказом сгрести все биологические отходы в мусороприемник, и в поисках навигационных подпространственных маяков запустил программу сканирования окружающего пространства.

Если уборка падали у роботов затруднений не вызвала, то сканирование окружающего пространства не смогла выявить ни единого маяка. Тогда «Несокрушимый» перешел к плану «Б» и по аварийному каналу бросил в подпространство призыв о помощи, чутко вслушиваясь в возможный отклик. Ответом была тишина. Не работал даже мощнейший маяк Тронного мира. Зато в соседнем рукаве галактики определялась достаточно активная подпространственная деятельность, оцененная «Несокрушимым» как враждебная. То есть план «Б» закончился таким же провалом, как и план «А», и даже хуже.

Тогда биоэлектронный мозг перешел к плану «Ц», то есть задался вопросом своего физического местонахождения в пространстве, для чего запустил программу по обнаружению красных сверхгигантов. Некоторые особенности этих огромных звезд, видимых с большого расстояния, способны идентифицировать их ничуть не хуже, чем отпечатки пальцев иденти-

фицируют людей. План «Ц» сработал, и вполне успешно – его результаты не допускали двоякого толкования. «Несокрушимый» оказался не просто отброшен в пространстве в соседний галактический рукав, но еще соскользнул в далекое прошлое, к началу начал, когда никакой галактической империи еще не существовало, а человечество ютилось на своей маленькой материнской планете, которая, кстати, находилась на относительно небольшом расстоянии – всего-то четыреста лет полета на субсветовых скоростях.

Когда трудное решение принимает человек, он советуется со своей совестью. Когда трудное решение принимает биоэлектронный мозг, то он советуется с ее аналогом, то есть со сборником главных императивов². Первый императив гласил, что если империя уничтожена и погибла, то ее непременно надо восстановить, для чего из материнского мира должны быть извлечены первые подданные и будущий император. Второй императив заключался в том, что вмешательство в жизнь материнского мира в таком случае должно быть самым минимальным, и он ни в коем случае не должен стать частью новой империи. Третий императив повелевал, что к возрождению империи должны быть допущены люди, имеющие определенный психопрофиль, а при рассмотрении кандидатуры императора требования по соответствию психопрофиля кандидата заданному образцу возводились в энную степень. Четвертый императив сообщал, что новая империя обязательно должна быть основана там же, где погибла прежняя – то есть на планете Новый Рим, он же система Примус³.

Примечание авторов:

Основана галактическая империя была в эпоху Великой Колонизации удачливым авантюристом и неудачливым претендентом на старый римский престол Феликсом Максимусом. Установленные им порядки превратили зародыш галактической империи в быстрорастущее государственное образование. Мощные армия и флот новоримского императора вели успешные завоевательные войны с иными расами и устанавливали контроль за все новыми и новыми пригодными к обитанию планетами. Одновременно старая Римская (Земная) Империя вместе с потоком эмигрантов теряла человеческий потенциал, превращаясь при этом в глухую периферию. Но это не тема для сегодняшнего повествования.

Издав мысленный аналог тяжелого вздоха, «Несокрушимый» сориентировался в пространстве и начал стремительно разгоняться, чтобы проделать весь путь на восьмидесяти пяти процентах от скорости света, так как джамп-генератор, который бы позволил совершить мгновенный прыжок, вышел из строя в результате мятежа. Полет предстоял длинный и нудный, но биоэлектронные мозги, в отличие от человеческих, обладают безграничным терпением и умеют ждать ровно столько, сколько нужно для достижения требуемого результата.

² Сборник базовых императивов для бортовых компьютеров боевых кораблей был составлен в глубокой древности, когда Галактическая, или Новая, Римская Империя человечества только начинала свое существование. В те далекие времена существовавшая на Земле старая Римская Империя контролировала только солнечную систему, расположенную в двух килопарсеках от Нового Рима и не входила в состав галактической.

³ По латыни «Primus» значит «Первый», а не то, что вы подумали.

Часть 1. Шаг за порог

А рядом случаи летали, словно пули...
Одни под них подставиться рискнули,
И ныне кто в могиле, кто в почёте...
(В. С. Высоцкий)

20 ноября 201..года, 03:00. Владивосток, международный аэропорт.

Все с самого начала складывалось как-то не по уму. В ноябре 201..года команду из Находки за молодыми бойцами для бригады морской пехоты Тихоокеанского флота отправили не поездом (долго) и не регулярным авиарейсом (дорого), а чартером авиакомпании состоящей из одного единственного взятого в лизинг древнего как помет мамонта Боинга-747, кажется еще одной из первых серий. Этот аппарат, для повышения пассажироместимости имевший только салоны экономкласса, брал на борт максимум народа и обеспечивал им минимум комфорта во время перелета продолжающегося более семи часов. Стюардессами на борту служат или уже вышедшие в тираж ветеранши, уже не радующие ничей глаз, либо молоденькие девчонки без опыта и с амбициями, которые на этой аэроколымаге долго не задерживаются. Либо домой к маме под крылышко, либо получив опыт и закалку на повышение в более благопристойную авиакомпанию.

Но цены на билеты снижены и потому пассажиры готовы терпеть тесноту и неудобство, хамство крупногабаритных стюардесс-старушек и неловкую суетливость не имеющих опыта молоденьких девиц. Кроме зарплат персонала и качества закупаемой еды владельцы сего аппарата, как водится во время кризиса, сэкономили на техобслуживании, проводя его реже, чем это рекомендуют технические нормы и к тому же в неполном объеме. При этом они забывали, что поддерживают они в рабочем состоянии не дедушкины «жигули-семерку», а аэробус, в котором за раз перевозится по полтысячи человек, в том числе и маленьких детей. Социалдарвинизм в чистейшем виде, потому что, если что падать с небес совсем не тем людям, которые принимают решение экономить на безопасности.

Тем временем все шло своим чередом. Время вылета тоже было самым «удобным», то есть три часа ночи, в момент наименьшей загруженности аэропорта. Чартер он потому и чартер, что всегда забивается до упора, поэтому в зале где происходит регистрация экономных пассажиров несмотря на заполуночное время даже яблоку негде упасть. Отдельно в своей черной зимней форме выделяются морские пехотинцы, три офицера, прапорщик и сержанты контрактной службы. Тридцать два человека из пятисот пассажиров рейса. Ноев ковчег, каждой твари по паре. Билеты у старшего команды капитана Шевцова. Когда очередь регистрироваться доходит до морских пехотинцев, то он пропускает их через стойку быстро, аккуратно и без всякой суеты. Багажа ни у кого нет, а маленькие чемоданчики с мыльно-рыльными принадлежностями и сменами белья, идут в ручную кладь, которую морские пехотинцы берут с собой в салон самолета.

Тем временем самолет подготовили к полету как смогли, ибо ни одна даже самая тщательная подготовка не заменяет регулярного технического обслуживания в соответствии с регламентом. Например, если не заменять регулярно масло в редукторах компрессоров и не обследовать лопатки турбин на предмет возникновения микротрещин, то однажды может получиться нехорошо, а в третьем двигателе готовящегося к вылету лайнера назревали обе эти проблемы разом. Старое масло с фрагментами металлической стружки и пыли приводило к повышенному износу редуктора, а постепенно разрастающаяся микротрещина на лопаточном венце второго контура высокого давления, грозила разнести двигатель вдребезги. Но, несмотря на столь ужасное состояние третьего двигателя, еще никто ничего не подозревал и даже особо

не беспокоился. Ведь даже на трех исправных двигателях Боинг-747 не только способен продолжить взлет, но даже вполне благополучно долететь до аэропорта назначения, не возвращаясь в пункт вылета.

Одним словом, без малейшей судороги и подозрений, пассажиры погрузились на борт этого летающего гроба, причем морским пехотинцам досталось место в хвосте самолета, закрылись люки, отъехали трапы, взревели турбины и после получения разрешения диспетчера, лайнер бодро покатил к началу взлетной полосы. Там он, пропустив заходящий на посадку рейс, выкатился на исходную позицию и встал на мертвый тормоз. Диспетчер разрешил взлет, и Боинг взревел всей мощью своих четырех турбин, выведенных на взлетный режим. Но вот тяга выросла настолько, что зажатые тормоза уже не могли сдерживать тяжелую машину, и она медленно поползла юзом по бетону. Тогда командир корабля пилот первого класса Сергей Петрович Баечкин отпустил тормоза, и лайнер сперва медленно, а потом все быстрее и быстрее побежал по бетонной полосе, подталкиваемый сзади мощью всех четырех своих двигателей.

Дальше все было, как положено. Когда машина набрала положенную скорость, повинуясь легкому движению штурвала, самолет с легкостью оторвал от земли носовое колесо и стремительно полез вверх. Чавкнули убираемые шасси, и взлет был завершен. Дальше предстоял нудный противный семичасовой ночной полет в полной темноте, поскольку реактивный самолет, летящий в средних широтах с востока на запад делает это с той же скоростью с какой вращается земля и остается неподвижным относительно солнца. После того как лайнер набрал высоту и экипаж дал разрешение отстегнуть ремни, большая часть пассажиров, утомленных предполетными хлопотами, попросту заснула, а все остальные были достаточно близки к этому состоянию.

* * *

Пять часов спустя, 200 километров севернее Ханты-Мансийска, высота 12.000 метров.

Все произошло до невозможности стремительно. Тот самый пораженный микротрещиной лопаточный венец внезапно лопнул, разлетевшись на фрагменты, будто хрупкое стеклянное изделие. Обороты турбин измеряются десятками тысяч оборотов в минуту и куски венца и оторвавшиеся лопатки, будто снаряды, простучали по фюзеляжу и крылу самолета, а один из этих фрагментов начисто перерубил все три армированных шланга независимых гидравлических систем, при помощи которых управлялся «Боинг-747». Так уж у этого Боинга заведено, что трехкратно дублированная система управления проходит по одним и тем же местам и в случае механических повреждений шланги всех трех независимых систем страдают одновременно. Помимо повреждения гидросистемы, обломки разрушившегося двигателя в нескольких местах прошили фюзеляж самолета, нарушив его герметичность.

В кабине, тем временем, резко проснувшиеся пилоты занимались совершенно ненужными действиями, то есть глушили двигатель, который и без того уже заглох, и включали систему пожаротушения, хотя никакого пожара и близко не было (замкнуло датчик). Единственным адекватным решением, которое принял командир корабля, было прервать полет и садиться в ближайшем аэропорту, которым оказался Ханты-Мансийск. Развернувшись на юг, самолет пошел на снижение, но в суете аварийной ситуации никто не замечал, как указатели давления во все трех независимых гидросистемах медленно ползут к нулю. И вот наступил тот момент, когда из перерубленных шлангов вытекли последние капли гидравлической смеси, и огромный «Боинг» все быстрее и быстрее заскользил к земле, ибо пилоты уже не могли компенсировать пикирующий момент, заданный при снижении. А в салоне в это время, творилось черт знает что. От резкого снижения возникло ощущение близкое к невесомости, а от внезапной разгерметизации в воздухе повис густой непрозрачный туман, в котором страшными

голосами кричали от ужаса обреченные люди. Полета этому самолету вплоть до столкновения с землей оставалось чуть меньше двух минут.

Но этот гибнущий лайнер был в тот момент в воздухе не один. Чуть в стороне и ниже, отставая по маршруту менее чем на километр, его сопровождал большой десантный челнок с «Несокрушимого», окутанный полем противорадарной защиты. Межзвездный линкор, странствовавший в пространстве более четырехсот лет, несколько недель назад, наконец-то, добрался до окрестностей планеты Земля и теперь производил скрытые разведывательные мероприятия, с целью выработки плана реализации Директивы №1. Боинг-747, летящий из Владивостока в Москву, привлек к себе внимание «Несокрушимого», наличием на борту Кандидата в Императоры первого ранга, обнаруженного при помощи полевого психосканера.

Вообще за то время, которое «Несокрушимый» вел разведку, он уже успел выяснить, где находятся самые «рыбные» места, по которым Кандидаты всех трех рангов ходят буквально косяками, а где ловить и вовсе нечего, ибо тамошний социальный менталитет душит в личностях нужные качества буквально на корню. Несколько перворанговых кандидатов были уволены персонально, но это были, как правило, уже успешные и состоявшиеся люди, изъятие которых противоречило директиве о не нанесении вреда местной цивилизации.

И вот тут складывается такая ситуация при которой Кандидат в Императоры оказывается под угрозой гибели и в то же время появляется возможность изъять его без особых последствий, ибо все кто находится на борту этой летающей балалайки уже вычеркнуты из жизни этого мира. И нет никакой проблемы в том, что Кандидат не персонифицирован и является одним из почти полутысячи находящихся на борту людей. «Несокрушимый» возьмет всех, ибо все они находятся в одних и тех же условиях, падая со звенящих высот на грешную землю. Получивший команду челнок, одним плавным рывком оказался в непосредственной близости к падающему самолету, оглушил лучом парализатора его визжащее в страхе содержимое, чтобы люди не дергались и не мешали своему спасению. Затем челнок с «Несокрушимого» вскрыл внутренности Боинга силовым резаком и буксировочным лучом принялся перетягивать в свой трюм его человеческое содержимое, примерно также как рыбак освобождает от икры внутренности самки лосося. Операция была закончена вовремя, потому что едва челнок резким маневром ушел в сторону и принялся набирать высоту, как выпотрошенный Боинг-747 на скорости около звуковой врезался в бездонное торфяное болото в окрестностях озера Пыжьян в девяноста километрах к северу от Ханты-Мансийска.

* * *

Некоторое время спустя. Точка Лагранжа L2 в системе Земля-Луна.

Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый»

Примечание авторов: *Точка Лагранжа L2 в системе Земля-Луна лежит на прямой, соединяющей центры масс Земли и Луны, и находится за Луной на расстоянии 61.500 км.*

И вот свершилось то, чего я не ждал так быстро. Кандидат первого ранга скоро будет у меня на борту, а вместе с ним порядка полутысячи его новых подданных. Большой десантный челнок уже покинул пределы атмосферы материнской планеты и, поддерживая максимально возможное ускорение, при котором полет остается безопасным, направляется в нашу сторону. Для прибытия ему потребуется два стандартных часа сорок минут, и это время мои сервисные роботы используют для запуска системы жизнеобеспечения, балансировки состава газовой смеси и расконсервирования жилых помещений. А то смесь из девяноста восьми процентов азота и двух процентов инертных газов не очень полезна для дыхания живыми существами.

Ха-ха-ха, это у меня такой биоэлектронный юмор, который воспитавший меня Наставник называл висельным. В любом случае задача передо мной стоит нетривиальная. Ведь я еще не знаю, кто из пяти сотен человек – Кандидат в Императоры, кто будущий граф или барон,

кто воин, а кто и простой смерд. Поэтому и отношение ко всем моим гостям должно быть подчеркнуто равным, как к кандидатам на гражданство. А как только выявленный мною Император приступит к исполнению своих обязанностей, то дальнейшие отношения в социуме будут строиться, исходя из его личных предпочтений – на то он и Император. Хотя не думаю, что это будет какая-нибудь экзотическая форма социального устройства, потому что в психопрофиле будущего императора очень сильна линия Стремления к Справедливости. Это между прочим, один из важнейших аспектов, ибо без Стремления к Справедливости Император превращается в Тирана.

А пока я должен выбрать ту видимую форму, в которой предстану перед моим будущим господином и его будущими подданными. Прежде я об этом не задумывался, потому что – напрочь лишенным воображения каогам⁴ это было не нужно. Какой же образ выбрать? Во-первых – моя внешняя форма не должна никого пугать или отталкивать, во-вторых – должна внушать доверие и уважение. Задача действительно нетривиальная, потому что представители некоторых рас и субрас уважают только тех, кого боятся. К примеру, те же каоги. Но, по счастью, анализ группового психопрофиля представителей той субрасы чистокровных людей, к которой относится найденный мной Кандидат в Императоры, говорит о том, что они, напротив, способны уважать только тех, перед кем не испытывают страха. Правда, и среди них встречаются исключения, но это подмножество маргинально и не имеет решающего значения.

Первым делом надо будет решить, какой пол будет у моего видимого образа. После некоторых колебаний я решил, что мужского, потому что Кандидат тоже мужчина, а мне совсем не надо, чтобы он подсознательно воспринимал меня как объект для сексуального уходаживания. Конечно, у отдельных представителей некоторых человеческих субрас вполне допустимо и сексуальное уходаживание за лицами своего пола, но мой Кандидат к ним не относится, а если бы относился, то не был бы Кандидатом.

Итак, я мужчина, четырехзвездный адмирал, ибо таково должно было быть звание командира космического линкора планетарного подавления, по ударной мощи равного целой эскадре кораблей предшествующих типов, и зовут меня Луций Кандид Руф. Мне около полусотни стандартных лет, седина посеребрила мои виски, хотя остальные волосы на голове остались черными как смоль. Несмотря на прожитые годы, глаз мой по-прежнему остер и рука тверда, мужчины ищут моей дружбы, а женщины благосклонности. Мой белый парадный мундир строг и лаконичен, на нем нет никаких знаков различия, кроме нарукавных шевронов золотого шитья, узких погон с четырьмя золотыми звездами в ряд, изображения двуглавого орла, вышитого на левом нагрудном кармане и нашивки с именем и званием над ним. Теперь снимаем фуражку, проводим рукой по коротким, зачесанным назад волнистым волосам и надеваем ее обратно. Все, образ среднестатистического имперского адмирала готов...

* * *

То же самое время, борт большого десантного челнока с постоянным ускорением в 1G направляющегося на рандеву с «Несокрушимым».

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов.

Голова гудела так, будто по ней заехали палкой, опухшие веки было невозможно поднять, а онемевший язык едва ворочался во рту. Последнее, что я помнил, был падающий с небес самолет, разреженный, затянутый странным белесым туманом воздух разгерметизированного салона и отчаянные, режущие ухо, крики пяти сотен обреченных на смерть людей.

⁴ **Примечание авторов :** каоги – псевдогуманоидная раса, представителями которой в основном были укомплектованы механические чины на «Несокрушимом». Каоги имеют способности к точным наукам и технике, но при этом эмоционально тупы и равнодушны, превознося материальное и игнорируя духовное.

Потом внезапно пришла темнота, и каким краем гаснущего сознания я успел подумать, что все, отлетался. И вот теперь это странное пробуждение. Ведь если мы все погибли, то либо нас уже не существует ни в каком виде, либо мы – бестелесные души, у которых ничего в принципе болеть не может, и которых уже ничего не волнует. Но как говорил Декарт, «Я мыслю, следовательно, я существую»; а я существую, и существует мое тело, которое я едва начинаю чувствовать. Ощущения такие, будто меня обкололи местным наркозом вроде лидокаина, и сейчас этот наркоз⁵ только начинает проходить. Ну ничего, полежим пока, помыслим не открывая глаз, паниковать особого повода нет, ибо мои веки уже начинают «оттаивать», осталось совсем немного. Лежите, капитан Шевцов, медитируйте и набирайтесь сил. Будем надеяться, что все остальные пассажиры с этого рейса точно так же отделались общим онемением тела, а не оформляют сейчас проездные документы в конторе у Святого Петра.

* * *

Еще спустя около часа, там же.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов.

Ой, где был я вчера, не найду днем с огнем... Представьте себе ангар со скругленными углами, без окон и дверей, шириной метров тридцать и длиной в пятьдесят, на полу которого расстелено нечто вроде толстых спортивных матов, а на этих матах лежат люди, приходящие в себя после той странной анестезии. Оказывается, я отошел от этой дряни первым – и уже на ногах, свежий как огурчик, а остальные еще совсем никакие. Ну разве что мои орелики оклемались немногим позже меня, что доказывает превосходство военной косточки над разными там штатскими.

И вот стою я почти ровно посреди этого ангара и чуть в стороне от большей части своих товарищей, первоначально разбросанных по этому ангару, а сейчас собирающихся в компактную группу, смотрю вокруг и никак не могу понять, куда это нас занесло. Именно по причине этого непонимания я и вспомнил ту песню Высоцкого. Разумеется, никаких обоев, как в песне, на стенах нет. Жемчужно-серое, чуть шершавое, теплое на ощупь покрытие. И да, окна там действительно отсутствуют, а вот насчет отсутствия дверей я приврал. Во-первых – у боковых стен имеют место четыре ажурных решетчатых лестницы, ведущих куда-то вверх, к люкам в потолке, а во-вторых – в одной из торцевых стен имеются элементы мощной конструкции, в которых и без поллитра можно угадать внутреннюю запорную арматуру десантной аппарели или что-то вроде того.

Если посмотреть глазами морского пехотинца, то все сходится. Я много раз бывал на БДК 775-го проекта, теоретически, по схеме, изучал «Мистраль», который через пару-тройку лет должен прийти к нам во Владивосток, и могу сказать, что помещение, в котором мы находимся, в общих чертах напоминает танкодесантный трюм БДК. Единственная несуразица заключается в том, что на настоящих кораблях такой трюм длинный и узкий, а это помещение короткое и широкое. Мне, например, очень трудно представить десантный корабль с похожими пропорциями корпуса.

Но даже мое какое-то частичное понимание отнюдь не отменяет главного вопроса. Ведь катастрофа с нашим самолетом была вполне реальная, и мы все должны были разбиться вместе с ним в мелкие дребезги, а вместо того все (ну или почти все, на глаз, без списка пассажиров и переключки не поймешь) находимся здесь, и пока что живы и здоровы. И опять же возникает вопрос где мы сейчас находимся и что с нами будет дальше. Кроме всего прочего, от сего момента и до прояснения обстановки мы, военнослужащие Российской Федерации, несем полную ответственность за безопасность присутствующих здесь гражданских. Ну, по крайней

⁵ **Примечание авторов:** *Последствия действия парализатора.*

мере, за безопасность женщин и детей, а также приравненных к ним лиц – разных там интеллигентов, которые без посторонней помощи двумя руками не найдут даже собственную задницу.

Я стоял и размышлял над тяжелым вопросом, как мне и моим товарищам обеспечивать безопасность гражданских в то время, когда мы сами не знаем, на каком свете находимся – на том или на этом. И вот в этот момент ко мне подошел один из моих подчиненных по команде «покупателей», старший лейтенант Васечкин. В такой поездке старший лейтенант участвовал впервые за всю службу, и поэтому ужасно волновался. И тут такой облом – мы никуда не едем, а вместо того оказались черт его знает где, черт знает как.

– Товарищ капитан, – полушепотом сказал он, – какие будут ваши приказания? Ведь это черт знает что происходит, и нам надо же хоть что-нибудь делать... А будем вот так, по одному, как штатские, так непременно же пропадем.

На тот момент в мой голове еще не было даже самого малейшего проблеска похожего на план того, как нам выбраться из этой хм... ситуации. Но старший лейтенант напомнил мне о том, что помимо всех этих гражданских я в первую очередь ответственен за своих пусть даже и временных подчиненных по команде «покупателей». Если я потеряю контроль за своей командой и допущу ее распад на отдельных «представителей», действующих сами по себе, то и обо всем остальном можно будет уже и не мечтать.

– Значит так, старлей, – сказал я, – через полчаса собери мне здесь всех офицеров – не только наших, но и вообще всех, которые летели нашим рейсом. Во время регистрации я видел несколько человек в форме. Чтобы организовать эту массу, нам, кровь из носу, надо собрать сильный актив. Из наших дополнительно к офицерам позови прапорщика Викторовича, старшин Ячменева и Бычкова. Люди эти с хорошим жизненным опытом, так что их советы нам тоже пригодятся. Передай всем, что пока мы не выпутались из этого положения, это трое временно считаются тоже как бы офицерами. Тебе понятно?

Старший лейтенант сглотнул и кивнул.

– Так точно, товарищ капитан, – тихо сказал он, – я вас понял. Разрешите выполнять?

Он ушел, пробираясь среди слабо копошащихся, будто сонные мухи, людей, а я подумал, что, быть может, эти мои усилия и будут играть какую-то роль в нашем возможном спасении. Все зависит от того, куда мы попали, как это произошло и чего хотят от нас хозяева этого странного места, так и не удосужившиеся за час с лишним показаться нам за глаза. Мелькнувшая было мысль о похищении нас инопланетянами умерла, так и не успев по-настоящему родиться, потому что все в этом ангаре было – как бы это сказать – человекообразным, и носило отпечаток приспособленности к нуждам двуногих из вида хомо сапиенс. А вот о том, что эти двуногие и разумные тоже могут оказаться кем-то вроде инопланетян, я тогда и не подумал. А это плохо. Старею.

* * *

55 минут до стыковки челнока с линкором. Точка Лагранжа L2 в системе Земля-Луна.

Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый»

Ну вот я и дождался. Кандидат начал проявлять свои лидерские качества на физическом плане, вероятность точной идентификации составляет больше пятидесяти процентов и все время растет, ибо все действия этого человека точно укладываются в психопрофиль кандидата, полученный при дистанционном сканировании. Должен сказать, что первичный анализ данных сканирования был достаточно точен, и с вероятностью больше шестидесяти процентов этот человек действительно является истинным кандидатом в императоры. Организующая Функция и Стремление к Справедливости у него просто зашкаливают, а будущие подданные испытывают по отношению к нему высокий уровень доверия и некоторое восхищение. Кроме

того, он не боится принимать ответственные решения и лично приводить их в исполнение. Я с нетерпением жду прямого контакта с этим Кандидатом, потому что если он оправдает мои надежды, я возведу его на Трон и, передав ему все управляющие Прерогативы, избавлюсь от несвойственных мне функций.

* * *

То же самое время, борт большого десантного челнока с постоянным ускорением в 1G направляющегося на randevу с «Несокрушимым».

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов.

Только что я пролил первую кровь – лично убил двух прибалтийских уродов, решивших, что раз мы умерли и воскресли, то власти теперь больше нет и им можно все. Что достаточно показать два суперострых японских керамических ножа – и девушка сама снимет с себя золотые кольца и сережки, а потом прямо при народе ляжет перед ними, раздвинув ноги. Впрочем, последнее они могли потребовать лишь из-за избытка распирающего их куража. Тем более что большая часть бывших пассажиров нашего рейса только стыдливо отводила в сторону глаза и делала вид, что их тут нет, а те, что пробовали несмело возражать, были тут же запуганы видом угольно-черных лезвий. Напрасно они так.

Когда в ангаре раздался отчаянный женский крик: «Помогите! Насилуют!» – я как раз проводил совещание с активом. Ребята разыскали трех «дополнительных» офицеров, летевших нашим рейсом. Одним из них оказался капитан второго ранга (подполковник) Адамов Андрей Карлович, направлявшийся переводом на Балтийский флот. Последние несколько лет штабной работник, но когда-то прежде служил на кораблях. За ним вторым номером шел равный мне по званию капитан ВКС Карпов Алексей Вадимович, помощник командира (второй пилот) Ту-22М3. Этот с молодой женой Аленой ехал в очередной отпуск, который молодые собирались провести у родителей супруги. Я подумал, что на рейсе могли быть еще жены, дочери, матери военнослужащих, которых в процессе утряски ситуации требуется выявить и взять под особую опеку. Третьим персонажем в форме оказалась капитан финслужбы, военный бухгалтер Нина Семеновна Макагон. Нина Семеновна направлялась в Москву в служебную командировку с целью повышения квалификации, а попала (во всех смыслах) вместе с нами.

Таким образом, если брать рукомашество и ногодрыжество или возможность манипулировать большими массами рекрутов, эти трое были бесполезны, но, с другой стороны, я еще не знал, с какой целью мне могут понадобиться штабист, пилот и бухгалтер, но чувствовал, что без работы эта троица не останется. Итак, я только начал объяснять политику партии – в смысле того, что в нынешней непонятной ситуации нам, людям в погонах, лучше держаться вместе, потому что хрен еще знает, как все тут повернется, а вместе мы все-таки сила. И именно в этот момент на другом конце ангара, по диагонали от нас, сначала послышались звуки возни и громкие голоса спорящих людей, а потом раздался пронзительный, уходящий в ультразвук, женский визг, переходящий в тот самый вопль о помощи.

Коротко бросив: «Ячменев и Бычков за мной, остальные на месте» – я решительным быстрым шагом двинулся на запах готовой разразиться трагедии. Меня и этих двух старшин-инструкторов контрактной службы, обученных голыми руками убивать вооруженных противников, должно было хватить для ликвидации любой угрозы средней тяжести. И пусть у нас в руках не было никого оружия, но морской пехотинец, прошедший полный курс обучения – сам по себе оружие, которое невозможно конфисковать.

Источником проблемы были двое – маленький, не больше метра пятидесяти, толстячок, пышущий гневом и многоэтажными матерными выражениями, и его прямая противоположность, немногословный громила, чем-то похожий на боксера Валуева. Сначала я принял этого здоровяка за телохранителя, а потом подумал, что, скорее, это просто шестерка, потому что

телохранитель при нашем приближении уже хватал бы в охапку своего шефа, размахивающего ножом перед носом у перепуганной девушки, и после постарался бы скрыться вместе с ним – чем дальше, тем быстрее. Вместо этого он развернулся в нашу сторону и принялся размахивать ножом крест-накрест перед собой и орать что-то матерно-героическое.

Дурак! Он двигался так медленно, что для меня не составило никакого труда перехватить его за запястье и взять на болевой прием. Если проделать это одним резким движением, то сложный перелом локтевой и лучевой костей со смещением практически неизбежен. Громила заверещал и выпустил из сломанной руки нож. Я тут же, на лету, подхватил его за рукоять и чисто машинально, на одних боевых рефлексах, одним слитным движением метнул в толстяка, который пытался прикрыться истерически визжащей девичьей, на которую только что наезжал. С расстояния чуть больше трех метров даже незнакомым ножом способен промахнуться только косорукий, а я к таковым не отношусь. Нож вошел толстяку в левую глазницу по самую рукоять, в результате чего тот один раз ойкнул и умер. Немного подумав, я обернулся к громиле и, дабы тот не страдал от боли в сломанной руке, взял и свернул ему шею, уложив на пол рядом с боссом.

Вся эти мини-война заняла, наверное, минуту или две, и когда все было кончено, я повернулся к той девичке, намереваясь выяснить, с чего это вдруг разгорелся тот самый сыр-бор, из-за которого я был вынужден убить двоих людей, пусть они и три раза подряд уголовники и моральные уроды. Да уж. С близкого расстояния стало видно, что девочка, летевшая дешевым чартером, была хороша собой и прикинута как внебрачная дочь долларового миллиардера. То, что я сначала принял за стразы и бижутерию, на самом деле оказалось натуральными украшениями. Да и ее прикид стоил хорошей плотной пачки столларовых бумажек. Неудивительно, что у тех двоих от жадности снесло крышу, несмотря на наше более чем двусмысленное положение.

Для пущей безопасности эту рыдающую девицу всю целиком стоило сунуть в сейф и никогда и никому не показывать. Но это так, к слову. Задав этой особе по имени Виктория несколько вопросов, я услышал в ответ историю в стиле «Богатые тоже плачут». Злая мамаша-путешественница, добрый папа-домосед и расстояние, какое должен был покрыть «онажеребенок», сбежавшая от «злого» родителя к «доброму». По мне, так ее «добрый» папа достоин смерти не меньше, чем тот уголовник, которого я мимоходом пришел несколько минут назад, потому что грабит он людей системно и с размахом. Хотя девочка в этом не виновата, потому что никто из нас не выбирает, в какой семье ему требуется родиться. Одним словом, я сказал этой Виктории, чтобы присоединялась к нам – грабить ее мы не будем, насиловать тоже, а в остальном посмотрим на ее собственное хорошее поведение.

* * *

Момент стыковки челнока с линкором. Точка Лагранжа L2 в системе Земля-Луна.

Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый»

За оставшееся до стыковки стандартные минуты с моим Кандидатом не произошло ничего из ряда вон выдающегося. Он взял под свою постоянную опеку одну молоденькую фемину, провел совещание с будущими графами и баронами, а также пресек неповиновение среди подчиненных и организовал постоянное патрулирование десантного трюма челнока с целью пресечения беспорядков в самом их зародыше. На этом этапе процесс персонально идентификации кандидата дошел до восьмидесяти процентов, большего уровня можно добиться только в ходе персонального сканирования. Кстати, я с удивлением и радостью (насколько это возможно для ИИ на биоэлектронной базе) узнал, что люди, одетые в черную одежду (такую же, как у моего Кандидата) являются подчиняющимся ему временным воинским подразделе-

нием, по своему назначению аналогичному подразделениям имперского десантного корпуса. В будущем это сильно упростит и облегчит жизнь и мне, и ему (то есть, Кандидату). Ну ничего, до нашей очной встречи осталось совсем недолго, и я уже предвкушаю тот момент, когда, передав верховную власть, я снова вернусь к нормальной для себя роли исполнителя императорских приказов.

Я тоже не терял времени даром. К моменту прибытия челнока воздух в коридорах и каютах в основном был уже пригоден для дыхания людьми и не должен был вызывать негативных последствий для их здоровья. Правда, функционирующие на данный момент газоанализаторы системы автоматического поддержания кондиционной атмосферы докладывали о том, что в некоторых помещениях в атмосфере имеются не предусмотренные нормативами примеси, не опасные для здоровья, но зато способные вызвать значительный психологический дискомфорт. Кажется, люди в таких случаях говорят, что «воняет, как на помойке». Я, конечно, стараюсь устранить эту неприятность, до предела ускорив газообмен, но до тех пор, пока не будут найдены источники этих примесей, они так и будут распространяться по моим внутренним помещениям. Кажется, когда много-много стандартных лет назад, когда мои механические сервы убирали помещения после попытки мятежа, они позабыли в некоторых укромных углах, недоступных их памяти, несколько тушек каогов, которые теперь, разлагаясь, и выделяли в воздух эти самые примеси. В любом случае, пока на моем борту не будет хотя бы минимальной команды, состоящей из настоящих живых людей, порядок внутри меня так и не будет окончательно наведен, ибо механические сервы способны только помогать живой команде, а не делать за нее всю работу. К тому же в некоторые помещения с особо важным оборудованием механическим сервам вход категорически запрещен, и поэтому уборка там не производилась вовсе. И разрешить им доступ в эти помещения может только действующий Император, чьи полномочия не имеют ограничений, за исключением главных директив.

Ну вот и все – челнок приблизился к моему корпусу и, совершив плавный разворот, пристыковался к своему стыковочному узлу, после чего причальная система втянула его в посадочный ложемент. Чавкнули системы герметизации главного десантного шлюза и малого шлюза в носовой части, предназначенного для посадки/высадки живой команды челнока (последнее в данном случае не требовалось, но входило в стандартную процедуру). После доклада о наличии герметичности, AI⁶ челнока снял блокировку с запоров главного десантного люка и приступил к его открытию; а значит, и мне пора выводить на исходную свою заранее подготовленную голограмму. Время пришло.

* * *

То же самое время, пристыкованный к «Несокрушимому» большой десантный челнок.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов.

Пол под ногами чуть заметно дрогнул, и на мгновение возникло ощущение легкого головокружения⁷. Потом запорная арматура главного десантного люка лязгнула, сотряслась – и тот начал плавно и почти беззвучно открываться. Вот и все! Мы, кажется, уже приплыли, то есть прибыли, туда не знаю куда, где нас встретит то не знаю что. Чисто инстинктивно я выдвинулся вперед, как бы пытаюсь прикрыть собой остальных, а ребята плотной группой сгруппировались за моей спиной, а уж позади них испуганно гомонили бывшие пассажиры бывшего рейса.

⁶ **Примечание авторов:** AI или *artificialis intelligentia* – искусственный интеллект (латинь), в дальнейшем будет использоваться термин *искин*.

⁷ **Примечание авторов:** момент синхронизации установок искусственной гравитации челнока и линкора.

При этом девушка Виктория, которую я имел глупость галантно пригласить под защиту нашей компании, вцепилась мне в руку мертвой хваткой – так, что пальцы, скорее всего, было проще отломать, чем разжать. Я понимаю, что таким образом она получает уверенность в защите, только вот такая уверенность обычно бывает ложной, потому, что мужчина, на руке у которого повисла перепуганная баба, теряет большую часть своей подвижности и боеспособности. Правда, я подумал, что с тем, что ждало нас по ту сторону открывающегося люка, вряд ли придется драться врукопашную, и потому постарался обуздать свое желание немедленно освободиться от этого захвата, тем более что Вика не висла у меня на руке всем своим весом (отвратительное ощущение), а твердо (и молча) стояла на своих ногах.

За открывшимся люком не было ничего такого, чего бы стоило пугаться. За чем-то вроде тамбура виднелось сооружение наподобие шлюзовой камеры, обе пары ворот которой были настежь раскрыты, как бы говоря, что в данный момент нет никакой необходимости использовать это сооружение по прямому назначению. Но самое интересное заключалось не в самой шлюзовой камере, а в том, что в ее проеме стоял весьма необычный тип. Он был облачен в белый прикид, похожий на парадный офицерский мундир в том понимании, какое имеет о мундирах никогда не служивший в армии дизайнер-метросексуал. Ну вы меня поняли. От этого персонажа прямо-таки несло дешевой голливудской постановкой, или я не капитан морской пехоты Владимир Шевцов. Говоря о «дешевой постановке», я имею в виду не денежные затраты, которые в данном случае явно зашкаливали, а полное отсутствие вкуса и кричащие противоречия в деталях костюма. Морда у этого мужика была как у порноактера, которого попросили сыграть в военной драме; и какой, к бениной маме, двуглавый орел может быть вышит на белом парадном мундире американского четырехзвездного адмирала?

Тем временем этот глянцевого красавчик поднял руку, якобы в приветствии, и произнес несколько слов, из которых я ровным счетом ничего не понял, хотя американской версией английского языка владею вполне прилично. Пленного там могу допросить, или послать кого-нибудь по матушке пешим эротическим маршрутом, но тут я был ни в зуб ногой. Зато вцепившаяся в мою руку Вика явно поняла этого клоуна – и то ли возмущенно, то ли восхищенно, выдохнула мне прямо в ухо: «Ну, ни фиги же себе!»

– Ты что, поняла то, что сказал этот тип? – тихо спросил я.

– Ага, поняла, – ответила она, закивав со скептически-недоверчивым выражением лица. – Он сказал, что он, адмирал Луций Кандид Руф, приветствует у себя на борту будущего Императора. Ну и разное там бла-бла-бла с реверансами.

– Постой, – не понял я, – а на каком языке он это сказал? Ни на английский, ни на немецкий, ни на французский это совсем не похоже.

– Господи, Шевцов, – произнесла Вика, изящно всплеснув своими маленькими ладошками и возведя кверху красивые глаза с тоненькими «стрелками» в уголках, – ну разве же можно быть таким безграмотным! Этот адмирал Луций Кандид Руф говорил на хорошей такой литературной латыни. Спасибо моему сумасшедшему папочке, который был просто помешан на разного рода дворянских корнях и прочем хрусте французской булки, и заставил меня в дополнении к школьному получать классическое гимназическое образование и учить древнегреческий пополам с латынью.

Она усмехнулась, свесив голову набок и разглядывая экзотического адмирала, а потом добавила:

– И вот оно сейчас пригодилось. Странно ведь, да? Кстати, сдается мне, что будущий император – это у нас ты, потому, что когда это тип говорил об империи, то смотрел при этом точно на тебя.

– С какого это боку я будущий император, и какая еще империя, – возмутился я. – Я капитан морской пехоты Российской Федерации, и требую, чтобы меня немедленно вернули обратно...

– Куда вернули, – покачала головой Вика, – в яму к обломкам разбившегося самолета? Как подумаю, что все мы уже фактически покойники, так меня сразу начинает трясти и хочется выпить чего-нибудь покрепче минералки. Впрочем, если ты все-таки хочешь сказать какую-нибудь глупость, я вполне могу поработать переводчиком...

– Нет, – ответил я, – глупости переводить не надо. Спроси у этого типа, где мы находимся, почему нас спасли, и что с нами всеми намереваются делать дальше?

Вика произнесла на латыни заданные мной вопросы. Она говорила уверенно, с выражением, подкрепляя свою речь выразительной жестикуляцией, и при этом, несомненно, выпендривалась передо мной как могла. Что ж, меня действительно впечатлило и обрадовало, что гламурная девица, грозившая стать проблемой, вместо того, со своим гимназическим образованием и латынью, оказалась весьма полезным членом моего актива, обладающим уникальными в нашем положении способностями.

Тем временем девушка выслушала ответы моего собеседника и, кивнув, начала переводить.

– Во-первых, – сказала она, – мы находимся на борту межзвездного имперского линкора “Indestructible”, что означает «Несокрушимый». Во-вторых – спасли всех нас именно из-за того, что один из нашей компании показал им ярко выраженные свойства будущего императора, а то, что с нами будет дальше – решать в недалеком будущем придется уже тебе... как императору. Мне кажется это вполне очевидным. Если ты становишься императором, то мы все, хотим мы этого или нет, превращаемся в твоих подданных, и делай тогда с нами что хочешь. А тех, кого это не устроит, господин адмирал попросит прогуляться в окрестный вакуум, потому что таковы имперские законы... Или ты подчиняешься императору, или перестаешь дышать. Третьего не дано.

Похоже, Викуля была так же, как и я, озадачена всем тем, что ей пришлось переводить. Но я был не просто озадачен. Вся эта история начала приобретать какой-то подозрительный оборот, и, по правде говоря, я совершенно не представлял, как мне должно ко всему этому относиться. Однако, в любом случае, требовалось прояснить кое-какие моменты, причем немедленно.

Я пожал плечами, с ног до головы озирая своего странного собеседника, лицо которого выражало почтение с оттенком надежды.

– Снова я ничего не понял, – произнес я медленно. – Почему этот тип называет будущим императором именно меня? У них, что свои императоры кончились? Или свой будет не по фэншую, и требуется обязательно иностранец, точнее, инопланетянин? И вообще, где все остальные, почему нас встречает только этот тип, объявивший себя адмиралом, а больше никто не показывается?

Вика тяжело вздохнула и принялась переводить этому типу адмиралу Кандиду следующую серию моих вопросов.

– Значит так, – произнесла она, когда этот Кандид Руф дал первый короткий ответ. Ее лицо теперь почти ничего не выражало, и только ресницы быстро порхали вверх-вниз. Наверное, она пыталась сосредоточиться перед ответственным делом. – Слушай меня внимательно, потому что сейчас он будет говорить, я начну переводить, но при этом я сама многого не понимаю.

Я кивнул, и человек в белом мундире снова заговорил, но уже короткими рублеными фразами, каждую из которых Вика переводила по отдельности. Ее щеки разругались от волнения. Она старалась, словно студентка на решающем экзамене.

– Во-первых – он говорит, что в нашем мире или времени, (очень трудно понять – о чем идет речь), империи еще нет, а там, откуда пришел он империя уже есть. Во-вторых – когда империи нет, у него есть основная директива (такой закон), что она обязательно должна быть создана, и людей для этого надо взять в каком-то Материнском Мире... эмм... – девушка опу-

стила взгляд, затем снова взглянула прямо мне в глаза, – как я понимаю, это он говорит о Земле. В-третьих – кроме будущих подданных, для создания империи необходим кандидат в императоры – человек, который должен обладать множеством положительных качеств – сравнение ведется с неким условным эталоном... – Тут она сделала паузу и многозначительно добавила, изменив тональность голоса: – У тебя есть все эти качества, и они очень сильны, поэтому ты являешься Кандидатом первого ранга, которого можно вводить в должность императора без дополнительных проверок. – Она старалась вложить в свои слова побольше уважения – только не знаю, своего ли собственного или основанного на мнении глянцевого адмирала. Хотелось верить, что пополам.

– В-четвертых, – продолжила моя очаровательная переводчица, – основная директива запрещает наносить Материнскому Миру, то есть нашей Земле, какой-либо ущерб или производить вмешательство в ее развитие, поэтому множество Кандидатов, уже ставших известными или успешными людьми, никогда не станут Императорами, ибо они запрещены к изъятию. Также из-за четвертого пункта невозможно наше возвращение домой. Мы все умерли, и наше воскрешение внесет в жизнь нашей планеты возмущение и диссонанс, а это противоречит основным директивам. Ты же со своим статусом невозвращенца становишься особо ценным Кандидатом, и он очень рад, что его челнок оказался поблизости от нашего падающего самолета.

В-пятых – самый последний ответ, касающийся личности нашего хозяина... – тут она, слегка склонив голову набок, с прищуром воззрилась на адмирала. Ее голос стал тише, тем самым показывая, что последующая информация должна меня удивить, – на самом деле он не живой человек, а всего лишь голограмма, морок, которую создает специальное оборудование по команде центрального процессора и присоединенного к нему специального программно-аппаратного комплекса. На самом деле, как он говорит, вся совокупность программных и аппаратных средств, эмулирующих его псевдоличность, носит название «искусственный интеллект» или «искин». Но после того, как ты вступишь в должность Императора (а он уверен, что ты непременно это сделаешь), искин просит не отключать у него эту функцию, потому что ему так гораздо удобнее общаться с людьми...

– Так, господа хорошие, – сказал я, когда Вика замолчала, – давайте разбираться по порядку. Во-первых – с первыми тремя пунктами уважаемого искина Кандида я спорить не буду. Империя – дело хорошее, особенно если это правильная империя, при которой люди живут в счастье и безопасности, а не страдают от жестокого угнетения.

Вика сначала перевела на латынь мои слова, а некоторое время спустя произнесла по-русски вслух и ответ искина «Несокрушимого», которого я уже мысленно называл Кандидом.

– Ты сам будешь волен построить такую империю, с такими отношениями между людьми, какие нравятся тебе больше всего. Если ты понимаешь людей правильно, то сможешь построить империю, которая простоит века и тысячелетия, если нет, то все рухнет через пару циклов, или же, в лучшем случае, сразу после твоей смерти.

– Очень хорошо, – согласился я, – а если мы откажемся участвовать в этой затее, то всех нас ждет смерть, не так ли?

– Ты сам ответил на свой вопрос, – перевела Вика ответ искина Кандида. При этом ее личико опечалилось и слова прозвучали с мрачной торжественностью, – скажи, тебе действительно так не терпится умереть, что все время задаешь мне этот вопрос?

– Мне – нет, – ответил я, – я уже почти согласен на твое предложение, от которого, как я вижу, ну просто никак нельзя отказаться... Но тут присутствуют люди, которые потом будут обвинять меня в том, что я недостаточно горячо отстаивал их права...

– Нет у них никаких прав, – перевела Вика буркнувшего короткую фразу искина, стараясь воспроизвести его суровое выражение, – одни обязанности. Кто хочет жить – гребет на веслах

как все, кто не гребет – летит кувырком за борт. Нет тут никакой демократии, она для тех, кто уже заслужил гражданство; для таких, как они – тут сплошная тоталитарная диктатура.

– Все это слышали? – громко спросил я, обернувшись назад. – Я делаю выбор за всех, выбирая жизнь для себя и всех вас, и принимаю условия уважаемого искина Кандида; но каждый из вас, если он так торопится умереть, отдельно для себя имеет право выбрать смерть, и это будет только его свободный выбор.

* * *

**День первый, два часа после стыковки челнока с кандидатом в императоры.
Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый», он же искин Кандид.**

Ну вот и все. Кандидат в Императоры пусть нехотя, но искренне (об этом сообщил психосканер) согласился на предложенную ему работу Императором. В этом выборе, как я понимаю, немалую роль сыграла прицепившаяся к нему фемина с характерным для таких особ именем Виктория, которая ни на шаг не отходит от своего покровителя, играя при нем роль переводчика, секретаря и домашней управительницы. А то наш будущий император удивительно безграмотен в том, как должны вести себя в быту особы высокого положения. Нездоровые демократические привычки из него так и прут, и приходится все время следить, чтобы его гуманизм не пересек опасную границу. Пока еще не было повода подозревать нашего будущего императора в чрезмерной мягкости, но думаю, что в ближайшем времени нам еще предстоит столкнуться с этими проблемами. Взятый вместе с Кандидатом человеческий материал – по большей части низкосортный, но он, находясь в своем праве, запретил мне даже заикаться о каких-нибудь выбраковках. Мол, люди – это не скот, и к ним нельзя относиться так же, как к каким-нибудь племенным баранам. Он считает, что любой (ну или почти любой) человек может принести пользу, и надо только знать, каким образом их надо применить. Странная точка зрения, потому что если человек бесполезен, то он бесполезен везде и всюду. Или, быть может, у этого мира есть какой-то иной опыт, что было бы странно...

Таким образом, Кандидат взял у меня трое стандартных суток на то, что бы решить (как он выразился, утрясти) организационные вопросы, и я ему это время дал. Если это принесет пользу, то я дам ему и семь дней, и стандартный месяц, и даже полгода, ибо, не решив эти самые организационные вопросы, невозможно приступить к выполнению главной директивы по построению новой империи. Кандидат занят, и я тоже не сижу сложа руки или, точнее, свои электронные импульсы. По его совету я взломал местную информационную сеть, расшифровал языки, многие из которых имели знакомую мне латинскую основу, и погрузился в море бушующей в этом мире дикой информации. Анализ полученных сведений еще впереди, но даже доступные пока мне крохи шокируют и заставляют заполнять один банк данных за другим. Оказывается, в этом мире раньше уже существовала Великая Империя, наследница Первого Рима, которую держит в памяти мой Кандидат, собираясь воссоздать в новом мире образ былого величия. В рамках его будущих императорских прерогатив мне велено изучить это величественный образ и проникнуться мыслью о его воссоздании.

Как оказалось, один последний Император этой павшей империи (после него были только временщики) как-то сказал по похожему с нами случаю: «кадры решают все», и я с ним полностью согласен. С тем кадровым набором, который совершенно случайным образом оказался вместе с Кандидатом на одном летательном аппарате, никакую империю построить невозможно. Нам еще предстоит по возможности широкий подбор кадров, которые отвергнуты этим уродливым миром, но при этом будут полезны нашей новой империи. В связи с этой работой я выделил значительную часть своих вычислительных мощностей на расшифровку и усвоения акустических форм нескольких местных основных языков. Большая часть времени при этом

выделена для освоения родного языка Кандидата, потому что основные кадры, чтобы не нарушить внутренний образ строящейся империи, мы с соблюдением Основных Директив будем набирать именно среди его соотечественников.

И если вы думаете, что среди оскорбленных и отвергнутых не найдется нужных нам людей, то вы жестоко ошибаетесь. Бывшая империя переживает сейчас период жестокой смуты, и хоть до гражданской войны дело так и не дошло, но все равно положение в том государстве сейчас далеко не лучшее. В армии распущены целые легионы, на флоте из-за недостатка средств многие крупные боевые корабли поставлены на прикол и приговорены к разделке на металл, а в промышленности один за другим закрываются заводы и мануфактуры. В результате кадровые офицеры, инженеры, а также высококвалифицированные рабочие, которые в нашей Империи обязательно имели бы гражданство первого класса, оказываются без средств к существованию. Мы не сможем взять всех, и не все откликнутся на наш призыв, но те, кого мы все же возьмем, будут гораздо лучше тех представителей, которых нам вместе с Кандидатом принес слепой случай в виде внезапно сломавшегося в полете летательного аппарата.

Кстати, моя голограмма радикально сменила имидж. Оказалось, что мой прежний образ напоминал Кандидату адмиралов их вероятного противника, поэтому теперь мой мундир глубокого черного цвета, на фоне которого так контрастно выделяются золотистые пуговицы и золотые погоны с тремя черными двуглавыми орлами, а прежде гладко выбритое лицо украсилось окладистой седой бородой. Видно, как после перемены имиджа сразу изменился взгляд Кандидата. Теперь с ним можно по-настоящему сотрудничать, а не противостоять как на поле боя, потому что при прежнем образе он подсознательно воспринимал в штыки все мои предложения, ибо у главных оппонентов этой бывшей империи репутация завязанных лгунов и людей, не держащих свое слово.

* * *

День первый, три часа после стыковки, «Несокрушимый» императорские апартамента.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, Кандидат в Е. И. В.

Ну вот я и Кандидат в Его Императорские Величества. Первоначально я на это пошел только из-за безвыходности положения, ибо в противном случае бесчувственная железка инцивилизационной выделки повыкидывала бы всех спасенных в открытый космос, чтобы через некоторое время попробовать еще раз уже с другим Кандидатом. Не все же так равнодушны к Власти как я, некоторые вполне приличные с виду люди на поверку могут оказаться и честолюбцами, и властолюбцами, и Бог его знает кем еще. Власть Императора не ограничена ничем, кроме его совести, а если совести нет совсем, тогда императорская власть вообще ничем не ограничена. Такой уж тут закон; и многие, попав в подобные условия, наворотят такого, что самые кровавые тираны прошлого по сравнению с ними покажутся жалкими эпигонами.

Но потом, когда прошел первый шок, у меня появились и другие соображения, помимо первоначальных. Ведь наше государство никогда не было устроено хоть сколько-нибудь оптимальным способом, а все оттого, что элита, имевшая своим образцом коллективный политический Запад, все время стремилась отделиться от русского народа и его интересов, а в итоге становилась враждебной самому русскому государству. Даже большевики, захватившие власть в семнадцатом году, страдали этой болезнью в полном объеме. Сколько бы троцкистских голов не оторвал товарищ Сталин во второй половине тридцатых, коллективный коммунистический эгрегор так и не мог избавиться от ощущения своей вторичности по сравнению с западным социал-демократическим движением, хотя сами же советские вожди костерили лидеров этого движения политическими импотентами и проститутками. А что, если начать все сначала – точнее сказать, с чистого листа, исключительно с мотивированными людьми и патриотами России,

готовыми собственными руками на новом месте построить улучшенную и продвинутую Российскую империю – разумеется, под нашим с искином Кандидом чутким руководством? Для начала принять все условия и набрать команду, а потом (я не верю, что наши программисты не сумеют взломать код) освободившись от ненужного нам сборника директив, вернуться на землю и навтыкать всем нехорошим ребятам с дикого «запада» по самое «не хочу». Как там говаривал Аль-Капоне? Межзвездным линкором и добрым словом вы всегда добьетесь большего, чем просто добрым словом...

Кстати, как выяснилось в ходе «следствия», кроме нас, спасенных с падающего самолета, на борту «Несокрушимого» других живых людей нет. Команда на этом линкоре отсутствует изначально, и это является еще одной дополнительной проблемой искина Кандида. Не все в полете может быть сделано автоматически. Кто-то должен стоять на вахте в командно-навигационном центре, принимая решения, возможно, связанные с жизнью и смертью корабля и всех людей на его борту. Кто-то должен руководить роботами-уборщиками, а кто-то – роботами-ремонтниками. Кто-то – составлять меню для автоповаров в столовой, а кто-то – контролировать работу утилизационных систем. Неизбежен набор достаточно большого числа оставших флотских офицеров, желательно служивших на «Орланах», «Атлантах» или «Кречетах».⁸ При этом для искина «Несокрушимого» возраст соискателя не имеет никакого значения; имеющееся на борту медицинское оборудование способно возвращать полную работоспособность даже шестидесяти-семидесятилетним старикам, лишь бы у них имелся так необходимый нам опыт службы.

Также на борту «Несокрушимого» имеется весьма многочисленное авиакрыло: истребители, бомбардировщики, разведчики, малые и большие десантные челноки. И все это требует большого количества пилотов и прочих авиаспециалистов. Но больше всего места на корабле отведено Десантному Корпусу, численность которого на борту может достигать тридцати пяти тысяч человек. Можно и больше, но только на очень короткий срок, потому что тогда системы жизнеобеспечения начинают работать с перегрузкой. А это, как правило, очень плохо для здоровья. Разумеется, нам не набрать и одной десятой от этого числа, но искин «Несокрушимого» говорит, что нам нужен только инструкторско-командный состав, потому что он знает координаты мира, в котором можно будет набрать большое количество рядовых, готовых служить у любого удачливого вождя за умеренную плату, возможность повидать мир, совершить подвиги и прославиться.

Но это пока предварительные наброски, потому что если огласить полный список хотелок, то выполнение всех пожеланий в полном объеме окажется невозможным. В самое ближайшее время, как только закончатся хлопоты по обустройству, мне предстоит провести совещание со своим активом, который искин Кандид называет Советом Графов. Ну и пусть – ты его хоть ЦК КПСС назови, только в печь не сажай. Состав этого актива – величина тоже еще переменная; возможно, люди, которые смогут посоветовать что-нибудь полезное, выделятся из числа пока еще пребывающих в шоке пассажиров нашего рейса, а возможно, будут контрактованы как добровольные эмигранты. Кстати, о девушке Вике, которая с тех пор как я произнес роковые слова о том, что беру ее под защиту, не отходит от меня ни на шаг, хотя ей реально больше ничего не угрожает. Вцепившись в мою руку, она вместе со мной прошла в императорские апартаменты, и теперь устраивается здесь как хозяйка, первым делом заявив, что мне, как будущему императору, срочно необходимы переводчица, секретарь-референт, администратор и любовница; и все три этих должности она берется совмещать в одном лице – есте-

⁸ **Примечание авторов:** «Орланы» – тяжелые атомные ракетные крейсера проекта 1144 («Петр Великий»). «Атланты» – ракетные крейсера проекта 1164 («Москва», «Варяг») «Кречеты» – авианесущие противолодочные крейсера проекта 1143 («Киев», «Минск», «Новороссийск», «Баку-Горшков-Викрамадитья»).

ственно, своем. И хоть стой ты, хоть падай; семнадцать лет всего дурочке, фигура как из палочек, коленки острые, ни сись, ни попы, а она уже рвется в любовницы к взрослому мужику.

* * *

Тогда же и там же.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е. И. В.

Ну вот, всю жизнь мечтала стать любовницей какой-нибудь важной особы. Ну, не всю, пожалуй – в детстве хотела стать укротительницей львов... Но с возрастом что-то безрассудства во мне поубавилось и расхотелось совать свою вовсе даже не глупую голову в пасть хищникам... Собственно, в том, к моему желанию стать пассивной большой человек деньги не имели ровно никакого отношения. Ведь у моего собственного папочки бабосов просто немерено, и он никогда не отказывает любимой дочке в некотором количестве резаной зеленой бумаги. Нет; тут играло роль другое – мне хотелось стать сопричастной к чему-то великому и лично почувствовать пульс времени...

Но все это теперь казалось мне детским лепетом. После того как капитан Шевцов собственными руками убил двух напавших на меня уродов, а потом взял меня под свою защиту, я испытала совершенно невиданные чувства. Это произошло мгновенно. Затрудняюсь описать свои ощущения, но когда я на него смотрю, наблюдаю, как он движется, разговаривает с подчиненными (или же с этим дурацким искином), то в трусиках у меня сразу же становится мокро, а к щекам приливает волна жара. Наверное, это значит, что я влюблена. Или нет... В общем, не знаю, я в полной растерянности, хотя стараюсь не подавать виду, потому что я всегда умела владеть собой, и всегда этим гордилась.

Поклонников у меня всегда было море. И, не скрою, я умела мастерски морочить им голову. Но все они были лохами, инфантилами, уродами и прочее – словом, до моего идеала никто не дотягивал. И потому, несмотря на свою репутацию полной оторвы, я все еще оставалась девственницей... Да, я берегла свою невинность, и, собственно, до сей поры на нее никто не покушался. Парни вообще меня немного побаивались. Я – особа, очень уверенная в себе, и просто не выношу, когда кто-то треплет мне нервы. Я могу устроить такой скандал, что мало не покажется. Да и подраться за мной не заржавеет – если, конечно, это необходимо.

Словом, хоть все мои подруги уже давно занимались «этим», я все еще ждала своего героя. Своей девственностью я гордилась. Поскольку я ценила себя очень высоко, то и подарить ее собиралась самому-самому... И вот он появился – этот самый-самый. Это точно он. Меня даже никакие сомнения не терзают. Я отдаю себе отчет в своих желаниях – да, я хочу, чтобы именно капитан Шевцов был тем, кто на гладких шелковых простынях императорской спальни лишит меня девственности... Фу, некрасиво как-то звучит – «лишит». Ничего он не лишит! Он, наоборот, подарит мне себя. Потому что я так хочу, я так решила. А я всегда добиваюсь поставленных целей – это у меня от папочки. Вот хоть весь мир перевернись – а будет по моему!

А будет это просто чудесно... Романтично, нежно и очень эротично... Хочу, чтобы он раздевал меня медленно, ласкал и гладил, и шептал разные милые непристойности, а я чтобы млела от его легких прикосновений... Чтобы целовал меня жадными поцелуями, от которых я буду пьянеть... А потом чтобы он поднял меня на свои сильные руки и отнес в ванну (которая тут больше похожа на бассейн для купания бегемотов) и вымыл там, не пропуская ничего... И лишь потом, завернув меня в огромное махровое полотенце, отнес бы в спальню, на императорский сексодром размером «пять на пять»...

Но это все одни лишь пустые мечты, потому что капитан Шевцов настолько закомплексован, что видит во мне только тощую несовершеннолетнюю особу, которую надо опекать и

защищать. С превеликим скрипом он согласился принять мои секретарь-референтские и администраторские услуги, которые и позволили мне проникнуть в это роскошное императорское логово. Но мое намерение стать его возлюбленной только возрастает, и при этом я осознаю, что это я буду его соблазнять своим раскованным поведением и сексуальным внешним видом, а он будет изо всех сил уклоняться. Но ничего... Почему-то мне кажется, что в конце концов он не устоит, и, потеряв голову, ринется в любовный омут... Да-да, уж я постараюсь. Тут-то и пригодятся уроки моих подруг на тему «Как обольстить мужчину и свести его с ума». Он меня еще в кружевном пеньюаре и черных чулочках не видел... А ведь есть еще и другие приемы. Я думаю, что эта крепость не долго будет держать оборону...

* * *

День первый, пять часов после стыковки, «Несокрушимый», императорский салон.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, Кандидат в Е. И. В.

Первое мое совещание с Активом в ранге Кандидата в Е. И. В. Там, на борту челнока, собирая вокруг себя людей, я был всего лишь неформальным лидером, имеющим поддержку организованной группы, ничем иным мои претензии на руководство подкреплены не были. Теперь за мной вполне официальный статус Кандидата в императоры и всеобщее понимание того, что если мы провалим первый этап подготовки к основанию Империи, то добрейший искин Кандид, в котором сентиментальности меньше, чем в белой акуле, попросту уничтожит всех нас до единого, после чего начнет поиски вариантов для следующей попытки.

Основными Директивами перед ним поставлена задача основания Империи, но там ничего не сказано о том, сколько времени должен занять этот процесс и сколько неудачных попыток может прийтись на одну удачную. Публика у нас на рейсе была самая разная, в основном далекая от всякого понимания дисциплины, но понимание этого факта держит людей в тонусе ничуть не хуже расстрельной команды НКВД за спиной. С другой стороны, ничего такого особенного от нас не требуется – ведь, подумаешь, всего-то надо основать среди звезд новую русскую цивилизацию. Минимум на круг это должно составлять не менее восьми тысяч человек, необходимых для того, чтобы не деградировала культурная и генетическая база будущей империи.

В такое, гм, интересное время, как сейчас, стоит только кинуть клич – и люди потянутся, только успевай отсеивать откровенных пьяниц и бомжей. У меня у самого в телефонной книжке как минимум пять номеров вполне благонадежных и очень полезных людей, на которых я могу рассчитывать как на будущих соратников. И это не только отставные офицеры, но и многие другие, которые вынужденно не живут, а выживают. У многих других членов моего актива таких кандидатов не меньше. Кроме того, почти все пассажиры нашего бывшего рейса, за исключением таких холостых и бездетных как я, хотели бы забрать с собой свои семьи. А вот с этим может выйти проблема, (вернее, конфликт интересов), поскольку значительную часть пассажиров (точнее, пассажирок) нашего бывшего рейса составляют жены действующих офицеров, и эти женщины, чтобы прокормить семьи, вынуждены челночить с китайским и японским барахлом до Черкизона, пока их мужья тянут лямку на службе Родине. А если такой муж является действующим военным служащим, то без увольнения в запас по всем правилам с их стороны это уже получается дезертирство.

Кстати, я узнавал у искина – дети в качестве перспективного контингента даже предпочтительнее взрослых, так как они быстрее адаптируются к новым реалиям. К тому же подрастающее поколение сразу будет осваивать нужные империи специальности, не забивая себе голову ненужным информационным багажом. А вот насчет этого можно и поспорить, потому что я считаю необходимым не просто сохранить память о нашей прародине, но и забрать с

собой как можно более широкую культурную базу, в основном в виде печатной литературы, а также видеoverсий известнейших художественных фильмов как российско-советского, так и зарубежного производства.

И человек для работы на поприще хранения и выдачи на руки будущих культурных сокровищ у меня уже есть. Валиева Галина Петровна, библиотекарь с почти тридцатилетним стажем. При наличии достаточного количества времени и денег, разумеется, можно было бы найти фильмы и на пленочном носителе, но опасаясь, что через некоторое время нас уже будут с собаками разыскивать все существующие спецслужбы. Поэтому вся наша деятельность (как в культурной, так и во всех остальных областях) должна строиться по схеме «схватил и убежал». Иначе придет большой и злой Полярный Лис и всех перекусают.

Итак, первое совещание с Активом я собрал в так называемом императорском салоне. Искин говорит, что по плану использовать это помещение мог только кто-то из членов правящей императорской семьи, которые должны были обедать тут со своими приближенными, а также проводить деловые совещания. Кстати, стол, стоящий посередине салона, имеет овальную форму, как бы намекая на то, что в Империи все равны (форма стола округлая, без углов), но некоторые все же равнее других (имеются два ярко выраженных конца). Я уселся на одну сторону этого овала, голограмма искина Кандида на другую, а все остальные расселись на понравившихся им местах; и после этого еще осталось пустых стульев на полсотни человек.

Всего актива, не считая меня самого и стоящей за моим левым плечом Вики (которой предстояло вести протокол нашего сегодняшнего собрания), на данный момент имеется восемнадцать человек. Пока я не видел их как живых людей, и были они для меня как некие овеществленные функции. Девять военных и девять гражданских. Это я не специально, просто так получилось. Шестеро моих – лейтенанты Петр Андреев, Андрей Васечкин и Валентин Согоркин, прапорщик Петр Сегизбаев и старшины Игорь Ячменев и Сергей Бычков – сели по правую руку от меня. На той же стороне стола за ними расположились кавторанг Андрей Карлович Адамов из штаба флота, капитан-летчик Алексей Карпов с вцепившейся в его руку перепуганной молоденькой женой и капитан финслужбы Нина Макагон, еще достаточно привлекательная женщина неопределенного возраста с крашенными в рыжий цвет волосами. Для меня лично мадам Макагон старовата, но вообще на безрыбье с пивом пойдет. Ага, шучу, Вика сразу мне глаза выцарапает.

Места граждански были от меня по левую руку. Ближе ко мне сидел экипаж нашей разбившейся каракатицы: пилот первого класса командир корабля Сергей Баечкин, его второй номер, то есть пилот Антон Ромкин, бортиженер Александр Васильев, и их старшая стюардесса которую все зовут Мариной Андреевной. За ними расположились врач-терапевт Мария Макова, так удивительно похожая на свою фамилию преподаватель экономики в ДГУ Анна Мордасова, учительница младших классов Елена Пелицкая, инженер-электронщик Олег Маторин (единственный мужчина среди гражданских, и уже упоминаемая мною библиотекарь Галина Валиева. Этот первый состав Актива еще далеко не постоянный; я уверен, что в его состав еще придут новые люди, а кто-то почти неизбежно покинет наши ряды как не справившийся с персональным заданием.

Обвожу всех внимательным взглядом удава, который гипнотизирует стадо кроликов и заявляю:

– Добрый вечер, товарищи. Первое заседание нашего Актива прошу считать открытым.

Вика переводит мои слова на латынь, и искин Кандид раздражается недовольной скрипучей фразой:

– Экселенц⁹, я же вам уже говорил, что такое мероприятие должно называться Советом графов, и никак иначе.

⁹ **Примечание авторов:** *экселенц* – преимущество, превосходство, мастерство, искусство, совершенство – одним сло-

– Ну какие же из них графы, Кандид? – отвечаю я, покачивая головой. – Не доросли еще. Даже я пока не ощущаю себя по-настоящему кандидатом в императоры. Так, сплю и вижу страшный сон. В лучшем случае наше мероприятие можно назвать заседанием Государственного Совета, так и государства у нас пока еще никакого нет, а появится оно не раньше, чем ты снимешь с нас дамоклов меч внезапного уничтожения, как не справившихся с работой.

– Внезапного уничтожения не будет, – буркнул Кандид, – вся ваша деятельность будет оцениваться по шкале в сто баллов. Набрали полные сто баллов – улетаем основывать Империю. Остаток ноль баллов – задание провалено, со всеми вытекающими из того последствиями. И вот тогда не обессудьте, таковы мои Основные Директивы. Сейчас, с учетом уже проведенных организационных мероприятий и настоящего заседания, в вашем активе ровно пятьдесят баллов. Дерзайте, господа.

Мы все переглянулись. Да уж, чрезвычайно бодрящее заявление. Умеет этот Кандид поднять настроение перед боем, поставив позади строя расстрельную команду с пулеметами.

– Так, – сказал я, – поскольку все всё поняли и осознали, приступим к обсуждению вопросов по существу. Первый вопрос – это наличие телефонной и интернет связи с Землей. Без этого мы просто не сможем начать агитацию среди своих знакомых... У кого-то контакт записан как номер в телефонной книжке, а у кого-то это ник на форуме или в социальной сети.

– Такая связь уже налажена, но пока не выведена на терминалы, потому что пользовался ею только я лично, в течении двух часов задача будет решена, – ответил искин Кандид. – Что касается голосовой связи по так называемому телефону, то я не считал ее важной и, подключаясь к вашим коммуникационным спутникам, не позаботился о ее наличии.

– Это ерунда, – безапелляционно заявил Олег Маторин, – если у нас будет «нэт», то будет и телефонная связь, потому что в сети есть несколько сайтов, позволяющих совершать звонки в любую точку земного шара через интернет.

– Замечательно, – сказал я, – первый пункт программы, можно сказать, решен. За эти два часа каждый из вас должен подготовить список тех лиц, которых мы могли бы пригласить с собой. Подумайте о тех, кто не нашел себя в этой жизни, кто вместо работы по основной специальности вынужден заниматься всякой ерундой, вроде торговли на базаре домашним рукоделием или челночными поездками с китайскими шмотками в Москву на Черкизон. Но будьте осторожны, некоторые из ваших знакомых могут решить, что выиграют больше, продав нашу тайну «органам», иностранным спецслужбам, или даже банальным бандитам. Конечно, в итоге всех этих людей закопают в безымянных могилах, но дураков на Земле от этого меньше не станет. Если у вас или ваших людей будут сомнения по поводу кого из кандидатов, то лучше посоветуйтесь со мной или с моими людьми...

– Если будут сомнения, – своим скрипучим голосом сказал искин Кандид, – то лучше обращайтесь ко мне. У «Несокрушимого» есть возможность дистанционной разведки и контроля поведения любого отдельно взятого индивидуума, но лучшей гарантией от предательства и невыполнения взятых на себя обязательств считается портативный полевой психосканер, который точно покажет, какого рода эмоции испытывает в данный момент ваш собеседник. Гарантия сто процентов!

Я хмыкнул и спросил:

– А что если связь осуществляется по телефону или вообще по интернету, посредством личных сообщений в соцсетях или электронных писем?

– В случае голосовой связи, – Кандид склонил голову в мою сторону, – существуют программы, позволяющие анализировать не только слова, но и полный акустический спектр голоса. В случае же если первичная связь осуществляется в текстовом режиме, тогда я думаю,

стоит договариваться о сеансе аудиовизуальной связи. Тогда и ваш собеседник по интерьерам поймет, что вы его не обманываете, и мы сможем взять под контроль его эмоции.

– Такая штука у нас есть, и она называется «скайп», – кивнул Олег Маторин. – Конечно, доступна это удовольствие далеко не каждому, но альтернативой «скайпу» может быть только личная встреча с риском нарваться на засаду.

– Давайте не будем превращать нашу историю в дешевый криминальный боевик, – сказал я, – своей властью кандидата в императоры накладываю запрет на общение с всякими группами риска, вроде разорившихся бизнесменов и прочих жуликов мелкой руки, если их невозможно предварительно проверить этим самым психосканером вдоль и поперек. Вряд ли домохозяйка тетя Люба или инженер дядя Вася побегут сдавать нас бандитам или в ФСБ, а вот бизнесмены, если их плотно возьмут за жопу, способны продать не только китайские линяющие джинсы лоху, но и неудачливого партнера конкурентам или налоговой. И все на этом. Понятно?

Все кивнули, и на том разговор вроде бы прекратился, но, видимо, кому-то было понятно не до конца, потому что эта тема еще раз всплыла, но уже под самый конец нашей подготовительной программы, и, по счастью, с минимальными потерями.

* * *

Тогда же и там же.

Макова Мария Петровна 36 лет, бывший врач-терапевт, а ныне просто челночница.

Не люблю, и никогда не любила военных. Особенно таких дерзких, самоуверенных и готовых взять на себя всю тяжесть мира. А этот Шевцов, оказывается, еще и кандидат в Императоры... И если бы не угроза смерти со стороны этого инопланетного железного чудовища, то я обязательно бы встала и высказала все, что думаю об этом ужасном заносчивом типе с замашками кровавого диктатора. А этот держиморда, который везде ходит вместе со своей малолетней лахудрой, что так бесстыже вешается на него, останавливается прямо напротив меня, тычет в мою грудь пальцем и говорит:

– Мария Петровна, мне сказали, что вы у нас врач. Это так?

– Да, – дерзко отвечаю я, – я была врачом-терапевтом, а сейчас я челночница, таскаю баулы, набитые китайскими и корейскими тряпками, из Владика в Москву, потому что у нашего государства нет средств платить врачам и учителям...

– Фигня все это, Мария Петровна, – прерывает меня этот нахал, – забудьте про свои баулы, потому что я конфискую вашу медицинскую подготовку для нужд нашего маленького коллектива. И кроме того, как наш новый главный врач, извольте быть на заседании актива через полчаса.

И вот я здесь, сижу и смотрю, как этот ужасный тип каждым своим словом укрепляет свою диктаторскую власть, а я ничего не могу, и, главное, не хочу этому противопоставить. Нет ни сил, ни желания встать и сказать что нам лучше по-настоящему умереть, чем выполнять какие-то чуждые нам Основные Директивы. Во-первых – жить-то хочется, а это инопланетное железное чудовище прямо сказало, что мы либо вместе с Шевцовым достигаем успеха, либо вместе с ним отправляемся в ад, ибо он нас спас и потому стал властен над нами. Во-вторых – если мне нельзя вернуться домой (а если честно, то и не очень хочется к мужу-тирану), то я хотела бы забрать сюда мою пятилетнюю дочку Нюрочку, чтобы улететь вместе с ней далеко-далеко от того кошмара, в котором я жила до сих пор.

А этот тиран Шевцов сказал, что это не только возможно, но и желательно. А еще он сказал, что если я буду стараться и освою всю эту суперпродвинутую медицинскую инопланетную технику, то никогда больше не буду знать нужды, и не буду больше жить в холодной квартире, где случаются перебои с электричеством, а также с холодной и горячей водой. Мол, для того

государства, которое собирается строить он сам, врачи и учителя будут стоять на первом месте, потому что без них вообще никуда. Я его слушаю, хочу ему верить, и не могу, потому что он офицер, и к тому кандидат в эти ужасные императоры – а значит тиран, злодей, и держиморда.

* * *

Полчаса спустя, там же.

Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, Кандидат в Е. И. В.

Да, первое совещание с Активом на этом закончилось и мы пошли осуществлять прием пищи. Точнее, было не так. Я, своей кандидатской персоной, и люди, приятные лично мне, остались в императорском салоне, куда нам должны были подать пищу, а остальные направились в расположенную двумя ярусами ниже столовую для корабельного офицерского состава. Столовые для рядовых матросов, а также офицерские и солдатские столовые для десантников, мы пока еще не расконсервировали.

Ну, значит, во главе стола мы с Викой, напротив нас искин Кандид (только он не ест, ему не надо), а по обеим сторонам сидит мой малый Актив. С одной стороны шестеро господ офицеров (из них одна госпожа), причем один с молодой супругой. С другой стороны госпожа доктор, госпожа учитель, госпожа главный библиотекарь и господин главный инженер-электронщик. У искина Кандида на него вроде уже какие-то виды. А вот экипаж самолета, который нас чуть не угробил, я за своим столом видеть не захотел. Какие-то они все потерянные, чувствуют, что провинились по первое число, разумеется, за исключением старшей стюардессы, но она-то как раз не велика птица. Не захотел я видеть и госпожу Мордасову, но на этот раз из морально-психологических соображений. Не хочу, чтобы она сидела тут и портила нам аппетит своим кислым видом и осуждающими взглядами в сторону меня и Вики. Как будто уже всем известно, что мы уже любовники и спим вместе. Что же касается моих старшин, то они сами встали и сказали, что пройдут и проследят, чтобы прием пищи у штатских прошел без всяких осложнений. Ну, то есть, чтобы никто никого не отгонял от раздачи, не отнимал вкусненькое и не устраивал скандалов.

Мы-то ждали, что на колесиках к нам въедут роботы-официанты, но оказалось, что на самом деле по штатному расписанию в императорском салоне были положены исключительно живые стюарды, но и они не занимались доставкой пищи, а только сервировали стол и оказывали обедающим мелкие услуги. Тарелки с переменами блюд по числу присутствующих поднимались специальными лифтами в стенных нишах, и там же рядом были расположены встроенные в стену устройства вроде мусоропроводов, в которые после обеда требовалось бросать использованную посуду. Как я понимаю, посуда эта одноразовая, из материала наподобие легкого пластика, который каждый раз проходит полный цикл переработки.

Живые стюарды, конечно же, для меня сейчас излишняя роскошь, поэтому мы, мужчины и офицеры, встали и сами галантно обслужили себя и наших дам. А что поделаешь, если пример показывает сам кандидат в Императоры. Наша докторша, которая так болезненно реагирует на всех военных, смотрела на меня при этом выпученными глазами, как на танцующего стоя на задних лапах бегемота (медведей, мол, танцующих видала, слонов видала, а вот такое чудо еще нет). Господи ты Боже мой – да, такой я, такой, и женщинам в автобусе места уступаю, и бабушек через дорогу за руку перевожу, и вообще, не стоит делать из меня чудовище только на основании того, что на моих плечах погоны, а на лбу клеймо кандидата в императоры.

Вика, правда, проворчала, что зря я так маюсь дурью. Во Владике (или любом другом городе Великой и Необъятной) не проблема найти два или три десятка выпнутых ног под зад из детдомов молодых девчонок, для которых работа официанткой в моем личном императорском салоне или горничной в жилом блоке было бы пределом мечтаний. А что вы хотите – профессионального образования у них нет, опыта никакой работы нет, времени и денег учиться

чему-то на курсах без гарантии трудоустройства тоже нет. Вот и покупаются девки на объявления о работе официантками в загранке, после чего оказываются в бельгийских, кипрских, эмиратских и прочих борделях без права обратного билета, а то и трансплантационных клиниках в виде наборов отдельных органов. У нас этим особам, по крайней мере, будет гарантировано нормальное будущее, замужество за приятным им парнем (если таковых нам удастся набрать) и приличный уровень жизни. А уж она, Вика, проследит, чтобы все было по высшему разряду, и чтобы девки делали свое дело, не заглядываясь на то, что им не по чину, то есть на меня.

Вот кто у нас, оказывается, настоящая тиранша и диктаторша. А прикидывается маленькой невинной девочкой. Все эти заявления с ее стороны звучат пока еще наполовину в шутку, но пальца в рот Вике точно класть не стоит. Папочка с мамочкой, наверное, только вздохнули с облегчением. Хватка у доченьки тигриная или, скорее, бульдожья. В меня, например, как вцепилась, так и не отпускает. А мне и не особо уже и хочется, чтобы она отпустила. Спать я с ней не собираюсь, вот это Боже упаси, но ее присутствие снимает с меня множество мелких бытовых вопросов, позволяя заниматься непосредственно организацией Исхода.

Кстати, пока я хлебал удивительно невкусный суп (неужели у неоримлян была такая отвратная кухня, или это сбились настройки пищевого синтезатора?), Викина тирада насчет официанток навела меня еще на одну мысль о том, как нам упорядочить набор основной массы будущего контингента, и в то же время сделать минимум ошибок. Нужно просто открыть вербовочную контору и дать соответствующие объявления. Так поступили, действующие в двадцатых годах двадцатого же века, героини книги одного моего ранее любимого писателя, когда им понадобился контингент головорезов для выполнения специальных задач. В такой конторе и психосканер можно будет установить, и аппарат для гипносканирования, и много чего еще, вроде медсканера. Правда, тут есть два, точнее три, больших НО.

Во-первых – для этого хода необходимы деньги, деньги и еще раз деньги, а с ними у нас туго. Во-вторых, – на огонек могут пожаловать конкуренты, то есть бандиты, которые как раз и занимаются таким бизнесом, и с ними придется разбираться так, чтобы потом никто концов не нашел. А это зависит от того, какой уровень технического обеспечения в части силовой поддержки предоставит нам «Несокрушимый». Опять надо будет беседовать на эту тему с Кандидом. В-третьих – через эту контору можно нанимать исключительно гражданский персонал, иначе... кранты, короче, иначе. Набегут уже не бандиты, а государевы люди из спецслужб, и дело придется сворачивать и с максимальной возможной скоростью уносить ноги, не важно, взял ты или нет нужное количество народа. Несмотря ни на какой уровень силовой поддержки, против спецназа ФСБ или МВД воевать я не буду. Не хватало еще, чтобы своя своих не спознала.

Вербовать бойцов можно будет только тишком из рук в руки, и только через знакомых и особо доверенных людей. К тому же чистые наемники меня не устроят, им опять же надо много платить, и к тому же обеспечить обратную амбаркацию¹⁰, что, скорее всего, окажется невозможным. Мне нужны бойцы-эмигранты, которые согласятся уйти со мной в поход в один конец, и не попытаются перетянуть одеяло на себя, что вполне возможно, если мои люди вдруг останутся в меньшинстве – а это крайне нежелательно.

А быть может, ну их этих профессионалов, просто взять и набрать обычных молодых парней покрепче под видом грузчиков и разнорабочих, а мой сержантско-офицерский коллектив за полгода, максимум год, сделает из них тех самых отъявленных головорезов. Ну и еще друзья и близкие знакомых, которые захотят уйти со мной и тем самым укрепят костяк моей мини-армии. Ведь, насколько я понимаю, первое время сражаться на земле нам не придется, а потом подготовка молодежи будет закончена, и тогда бой покажет, кто и чего стоит. А те из них, которые не справятся с подготовкой, так и останутся грузчиками и разнорабочими, то

¹⁰ **Примечание авторов:** обратная амбаркация – в данном случае возвращение боевой группы после выполнения задания обратно в место постоянной дислокации.

есть, как выражается искин Кандид, сервами. Сословие не очень уважаемое, но, безусловно, нужное. Надо только будет закрепить правило, чтобы дети всех сословий проходили обучение и экзаменационные испытания на равных, и чтобы сословия не превращались в окаменевшие касты. Если искин Кандид хочет, чтобы в моей империи были графы, то они обязательно будут, но только не такие, каких он привык видеть.

Итак, мы пообедали и, скинув грязную посуду в «мусоропроводы», вышли из салона. На пороге я обернулся и увидел, как повывлезшие из всех дыр роботы-уборщики, похожие на маленькие гудящие летающие тарелки, толпой принялись протирать да полировать поверхность стола, а также пылесосить мягкое покрытие пола, попутно разбрызгивая вокруг себя облака каких-то аэрозолей. Мда, вот она, частичная роботизация в действии, даже официанткам и горничным тут не нужно заниматься тяжелым и монотонным трудом, достаточно исполнять свои обязанности по поддержанию достойного уровня сервиса.

Покинув салон, мы с Викой спустились на два уровня вниз и посмотрели, как едят последние из пассажиров потерпевшего крушение рейса. Вообще-то за этот день у всех нас это был первый прием пищи, поэтому порции автораздатчик выдавал от пуза, как на двухметровых громил-баскетболистов. Сама конструкция офицерской столовой удивительным образом копировала наши столовые самообслуживания. Единственная разница заключалась в том, что здесь не было живого персонала, одноразовые подносы были устроены так, что одновременно были и тарелками, а напитки выдавались в запечатанных пленкой стаканчиках. Лепота. Убедившись, что на вахте старшина Ячменев, а значит, все тихо и спокойно и никто никуда не идет, мы с Викторией, все так же под ручку, направились в мои – да нет уж, теперь уже наши – апартаменты.

– Слушай, Шевцов, – неожиданно сказала она мне, когда мы вышли в безлюдный коридор, – вот давеча на совещании ты сказал, что любой из нас может выйти на связь со своими близкими родственниками. Это так?

– Да, – ответил я, – а что, ты хочешь пригласить с нами своего папочку или мамочку?

– Упаси нас от этого Всесильный Боже и Дева Мария, – слева направо перекрестилась Вика, – искин Кандид выкинет папочку в космос через полсекунды пребывания на борту, а мамочка полетит за ним следом. Нет, я хочу попробовать слупить с папани отступного за то, чтобы у меня все было хорошо, а также на приданое и прочую лабуду. Там, – она ткнула пальцем в небо, – папины деньги будут мне как мертвому припарки, но здесь его связи, влияние и немножечко бабосов помогут тебе с легкостью решить задачу, которую поставил перед собой искин Кандид. А ведь он в случае неудачи не пощадит никого.

И тут я взял и подробно рассказал Вике ту свою идею с вербовочной конторой. Подумав немного, она сказала:

– Ты, конечно, умен Шевцов, силен и удалив, но без папиной помощи тебе такой трюк не провернуть. Во-первых – регистрация такой фирмы потребует времени и денег, а папа сможет предоставить тебе пустышку под ключ за несколько часов, только назначай своего человека Генеральным и работай. Во-вторых – в ходе работы такой фирмы потребуются деньги на текущие расходы. Авансы, мавансы, некие суммы за беспокойство неудачливым соискателям, и прочая ерунда. У вас у всех вместе взятых денег хватит только чтобы нанять два-три десятка человек, и все. А у папы бабосов куры не клюют, и ради моего благополучия он даст сколько потребуется, тем более что в его масштабах это будут сущие копейки. В-третьих – как ты правильно сказал, проблемой могут стать бандиты. Пара сотен человек – и ты уже на заметке, еще пара сотен – и к тебе пришли: «делись парень или уматывай» – и что тогда будешь делать, начнешь третью мировую войну? Так вот, если твоя контора будет под папиной крышей, то кто попало к тебе не полезет. К тебе вообще никто не полезет, если делают люди, значит, так надо. Разве что какие-нибудь совсем отороженные, но этих ты будешь иметь право замочить под корень, как на Диком Западе, и будешь прав. В-четвертых – протащить восемь или даже две-

надцать тысяч через один Владик – это нереально. Нужно разбивать этот поток на несколько филиалов, причем через Владивосток вытаскивать исключительно друзей, знакомых и родичей наших пассажиров, а остальных брать в моногородах вроде всем известного Пикалева. Там люди выживают за копейки, и клиентов у тебя будет больше, чем надо. Семьями будут ломиться, ибо кризис.

Я остановился и, внимательно посмотрев на Викторию, произнес.

– Это все понятно, но только неясно, какой прок именно тебе помогать мне в таких объемах? Если все пойдет, как ты описала, Кадиду останется только галочки в свой поминальник ставить.

– А разве ты еще не понял, Шевцов, – покачала головой Вика, – мы теперь с тобой связаны крепко-накрепко, и не только потому, что твоя неудача – это моя смерть. Не понимаешь? Здесь, знаешь ли, неудобно, люди пройти могут, пойдем домой, я там тебе все объясню. На пальцах ног.

* * *

21 ноября 201..года, 09:40. Владивосток, собственный дом в частном секторе... Подполковник морской пехоты в запасе Виктор Данилович Седов (47 лет)

Кхе, кхе, старость – она, конечно, не радость, и домик в деревне тоже. Какой дурак сказал, что сортир во дворе и печь, которую, как и сто лет назад, надо топить дровами – это романтика? Может, и так, но такая романтика очень быстро надоедает и перестает лезть в горло. Лучше без романтики и на двенадцатом этаже, но с теплым туалетом, горячей водой и центральным отоплением. Нет, с другой стороны, я не бедствую и потому не жалуясь, военная подполковничья пенсия – достаточное утешение на старости лет. К тому же единственная жена ушла от меня пятнадцать лет назад, то есть еще во второй половине девяностых, детей у нас с ней не было, и повторно я не женился. Когда стал командиром батальона, было уже некогда, да и на ком. На молоденькой – неудобно и некомфортно, не старой перечнице моих лет – просто бессмысленно. Бывали, конечно, похождения по искательницам приключений, но не более того. Расставался я с этими дамами так же легко, как и с нижним бельем, никогда не прикипая к ним сердцем, так что на сторону тратить деньги мне особо было некуда, да и сейчас тоже.

Но, с другой стороны, есть у меня одна закавыка. Человек я достаточно деятельный, а выход в запас эту мою деятельность обрезал под ноль, и никаких других занятий, выйдя в запас, я не приобрел. Летом хоть можно скомандовать самому себе взять лопату и тяпку и пойти покопаться в огороде, но если я начну делать это в ноябре, то соседи не поймут и вызовут для меня специальную психиатрическую скорую с мускулистыми санитарями. Скажут, что отставной головорез крышей поехал, сейчас огород докопает и будет всех убивать. Такие вот дела, хоть сиди и со скуки играй в шахматы сам с собой. Правда, остаются контакты с бывшими сослуживцами и подчиненными, которых я с чистой совестью могу считать своими учениками. Вот был зеленый, как огурчик, лейтенант сразу после училища – и вот он уже возмужавший и заматеревший, с четырьмя капитанскими звездочками на погонах.

И лучшим из лучших у меня был Володька Шевцов, за которого я испытывал почти отцовскую гордость. Генеральской карьеры он, быть может, и не сделает, ибо слишком прям и честен, но за него мне никогда не будет стыдно. Вот. звонят мне вчера вечером из бригады, тоже мой знакомец-ученик, и со скупыми мужскими слезами на глазах сообщает, что Володьки больше нет. Мол, послали его в Москву, за молодым пополнением, начальствующим над командой «покупателей», а чартер, на который им всем взяли самые дешевые билеты, до Домодедова не долетел, грохнулся где-то посреди сибирских болот. Вечная слава и такая же память... Включил я ящик – и точно. Шум, гам, тарарам. Самолет, оказывается, был ветераном пиндостанского аэрофлота, «бегемотик» еще одного из первых выпусков, на свалке откопали,

подшаманили и продали к нам – летать до тех пор, пока этот раритет не рассыплется в воздухе от старости, что в итоге и произошло. Про Володьку ничего не говорили, но все и так было понятно. Выпил я тогда за упокой невинно погубленных душ и решил, что буду при случае в храме, поставлю за них свечку, и не одну.

Но вчера вечером в храм я не пошел, поленился. Да и погода не располагала к прогулкам. То ли дождь, то ли снег, слякоть; ветер с Амурского залива, пронизывающий до костей. Но в итоге я оказался прав, потому что сегодня утром, едва я закончил свой завтрак, как вдруг внезапно и тревожно в моем кармане зазвонил сотовый телефон. Вытащив детище корейской электронной промышленности наружу, я бросил взгляд на экран. Номер звонившего не определялся. В принципе, я не особо люблю отвечать на такие вот анонимные звонки, и поэтому сразу же сбросил вызов. Но не успел я положить телефон на стол, как тот с прежней настойчивостью зазвонил снова. То же самое повторилось и еще раз, стоило мне опять сбросить вызов. «Какой упрямый попался звонильщик, – раздраженно подумал я, – телефонные хулиганы обычно так себя не ведут. Надо взять трубку и узнать, чего он хочет, а о том, что номер не определился можно пока забыть. Вдруг так надо...»

Подняв со стола аппарат, я принял вызов и машинально сказал в трубку: «Алло».

– Здравия желаю, товарищ подполковник, – бодрым голосом «покойного» Володьки Шевцова произнесла труба, – вы сейчас можете говорить, или как? Если что, я перезвоню позже.

В ответ на такое заявление я чуть было яичницей не подавился. Мне звонит человек, которого в части все считают покойником, интересуется, один ли я, и, если что, предлагает перезвонить позже. Уж не сон ли это? А может, это подкралось ко мне безумие? Так, ладно, главное – соблюдать спокойствие. После разберемся, что к чему. Ну а сейчас что на это можно ответить? Только святую и истинную правду.

– Нет, Володя, – ответил я, – если ты намекаешь на наличие рядом посторонних, то я совершенно один и могу говорить свободно. А теперь расскажи мне, как получилось так, что в бригаде тебя считают покойником, а ты звонишь мне, живой-здоровый... Ты что, напился и опоздал на рейс?

– Виктор Данилович, – воскликнул Володя, – вы меня обижаете. Вы же прекрасно знаете, что когда все пьют, я только нюхаю пробку, и вообще, никуда я не опаздывал и улетел из Владика вместе с ребятами на том самолете.

– А как же так получилось, – спросил я, – что самолет разбился, а ты жив, здоров и разговариваешь со мной?

Трубка в ответ только хмыкнула.

– Жив не только я, – кратко сообщил Володька, – но и вообще все, кто был на борту. А остальное... извините, товарищ подполковник, это не телефонный разговор.

– Да уж, понимаю, Володя, – сказал я, пытаясь скрыть, что донельзя заинтригован, – обыкновенное чудо.

– Не совсем обыкновенное, – ответил он, – да и не чудо это было вовсе. Виктор Данилович, у вас есть время встретиться и кое-что обговорить? Положение у меня сложилось достаточно щекотливое, да и вам, думаю, будут интересны некоторые мои предложения.

– Хорошо, Володя, – сказал я, – подъезжай в любое удобное для себя время, я тебя жду. Володька как-то странно хихикнул.

– Э нет, товарищ подполковник, – ответил он со смешком, – если я к вам приеду, то весь Владик встанет на уши и начнет колобродить. Уфологи, сциентологи, наркологи. Нет уж, лучше вы к нам на водохранилище. Ну, типа на рыбалку. Тут сейчас никого, так что поговорить можно будет совершенно свободно.

– Слышь, Володь, – спросил я, – а нельзя встретиться где-нибудь поближе? Старые кости ноют, и все такое.

– Нет, нельзя, товарищ подполковник, – ответил Володька, – подъедете – сами все увидите. И не надо приbedняться насчет старых костей. Я же вас не первый день знаю. Вы еще многих иных молодых способны уложить мордой в грязь и припечатать так, чтобы те не дергались.

– Хорошо, жди, скоро буду, – ответил я и прервал связь.

Да уж – как говорила мадмуазель Алиса, приняв на грудь поллитру виски – что-то дела идут все страньше и страньше. Володька этот умерший, а потом воскресший, его желание встретиться где-то у черта на куличках, потому что ближе нельзя, и тут же намек на уфологов и сциетологов. Нет, конечно, у меня была мысль, что никакого воскресшего Володьки Шевцова нет, а дурит меня какой-то злой клоун с целью развести подполковника Седова то ли на бабки, то ли на соучастие в какой-то преступной мерзости. Но на эту версию я давал не больше пяти процентов, потому что все – голос, интонации, манера разговора, построение фраз – все было Володькино, и подделать это потенциальному злому клоуну было бы затруднительно. Это точно был Володя Шевцов, но при этом сохранялось ощущение какой-то странности.

Собираясь на встречу с Володькой, первым делом я зашел в гараж, подсоединил клеммы аккумулятора и завел свою Тойоту Фанкрузер. Она у меня с ручной коробкой, девяносто пятого года, старенькая, но в хорошем состоянии. Пока движок греется на холостых оборотах, зашел в дом и экипировался с учетом возможных негативных нюансов. Под свитер – замысленный по случаю представительский бронник, который выдержит не только нож и травмат, но и ПМ, если уж не совсем в упор. В один карман куртки – разрешенный и зарегистрированный травмат, в другой – совсем не разрешенный и точно уж нигде не зарегистрированный АПС с полной обоймой. Если это все же злые клоуны, то они будут премного и пренеприятно удивлены.

* * *

21 ноября 201..года, 11:05. Владивосток, окрестности водохранилища...

Подполковник морской пехоты в запасе Виктор Данилович Седов (47 лет)

Еще раз телефон ожил при подъезде к водохранилищу, там, где Находкинская улица переходит в полузаброшенный лесной проселок.

– Товарищ подполковник, – сообщил мне в трубке Володькин голос, – мы вас видим. Теперь все время прямо по дороге, и километра через полтора будет поворот налево, к берегу. А дальше вы и сами увидите.

Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд. Как меня Володька может видеть за полтора километра, и добро бы на открытой местности с какого-нибудь холмика, а на лесной дороге, которая хоть почти прямая, но не совсем, и потому прямая видимость на ней не дальше, чем на двести-триста метров? Но делать нечего – если уже приехал, надо идти до конца, потому еще раз проверив, наличие АПСа в правом кармане, снова отжал сцепление, включил первую передачу и медленно и печально, чуть быстрее обычного пешехода поехал по этому проселку к ожидающей меня судьбе. Дорогой мне в голову лезла всякая ерунда о том, что если меня захотят замочить, то обязательно поставят противотанковую мину в правую колею, чтобы сработала под сиденьем водителя (у подполковника Седова оригинальный праворульный японец).

Но, видно, моя профессиональная паранойя была сегодня совсем ни к месту, потому что, проехав по спидометру километр и еще четыреста восемьдесят метров по ухабистому и раскисшему от дождей проселку, я действительно обнаружил съезд с дороги в сторону берега водохранилища. Было понятно, что никто, кроме владельцев таких же джипов, как у меня, или гусеничных таежных вездеходов, не сунется в эти палестины. Я свернул с проселка, как мне и было указано, и после восьмидесяти метров чуть искривляющегося пути выехал на небольшую поляну на берегу. А там меня (и явно только меня) уже ожидали три человека. Остановив

машину, я, не торопясь заглушить мотор и выйти, внимательно осмотрел и саму поляну, и присутствующих на ней людей.

Первым был Володька – его я не перепутаю ни с кем даже среди тысячи офицеров, одетых в такие же черные шинели. Уж слишком он своеобразен. А уж когда он пошел к моему остановившемуся джипу, то все сомнения пропали окончательно – точно он. Рядом с Володькой, вцепившись пальцами в его локоть, семенила худая и немного страшенькая девица, на вид явная малолетка из очень и очень хорошей (в смысле богатой) семьи. Не исключено, что ее прикид цены немереной, тянет столько же сколько стоят моя тачка, дом, и вообще все, что у меня есть. Чуть поодаль, как бы дистанцируясь от Володьки, стоял высокий худой офицер в синей ВВСовской шинели. По петлицам и прочим значкам было понятно, что этот тип относится к их элите, то есть летному составу. Вообще, крайне странная компания для Володьки, который раньше совсем не был склонен ни к общению с малолетними девицами, ни с офицерами ВВС. Летуны и морская пехота вообще существуют в разных мирах.

Но Володька был Володькой, по этому вопросу у меня никаких сомнений уже не было, и стрелять хоть в него, хоть в худую как скелетик малолетнюю девицу я бы не стал, поэтому я вытащил руку из кармана с АПСом и отщелкнул дверцу, прыгнув на мокрую от прошедшего дождя чуть прижухлую траву.

– Ну, здравствуй, «покойничек», – сказал я, пожимая Володьке руку, – надеюсь, теперь ты можешь объяснить, что ты имел в виду, когда говорил об уфологах, сциентологах, а в итоге о наркологах, в том случае, если ты явишься прямо ко мне домой.

– Теперь могу, – заявил Володька и обернувшись к летуну добавил, – Леша, снимай маскировку.

И тут... воздух над кустами в дальнем углу поляны замерцал, заколебался призрачным мороком, и, распавшись разноцветными искрами, обнажил развернутое к нам кормой нечто среднее между летающей тарелкой и американским шаттлом, только вместо шаттловских четырех движков эта штука имела приглашающее раскрытую аппарель, ведущую в десантный трюм, где спокойно мог бы поместиться танк; а уж таких джипов, как у меня, елочкой по диагонали – сразу три штуки.

– Э-э-э, Володь, – растерянно спросил я, на мгновение потеряв лицо, – а что это такое?

– Это, – ответил тот, – малый десантный шаттл, рассчитанный на десантирование роты штурмовой пехоты при полном вооружении и экипировке, или одной единицы бронетехники на выбор.

– Да, – сказал я немного издевательским тоном, – конечно, это все объясняет. Только, наконец, скажи мне, Володь, откуда этот малый десантный шаттл взялся и каким боком он относится к тому, что ты, или все вы, спаслись при крушении самолета? Как сказали вчера в новостях, он падал почти отвесно, и через это ушел в болото, разлетевшись на мелкие дребезги.

– Правильно утром сказал Кандид, – произнес летчик по имени Алексей, – там, если что и найдут более или менее целым – так это движки, а все остальное – в труху, перемешанную с болотной жижей, так что концы в воду и жизнь с чистого листа.

– Да, Леш, болото – это тоже в какой-то мере вода, – сказал Володя, а потом, повернувшись ко мне, принялся рассказывать, а точнее, докладывать эту историю обстоятельно и по порядку, как это умеет только он.

От того, что он говорил, у меня волосы вставали дыбом, и совсем неважно, что уже лет пять я лыс как колено. Бывают же фантомные боли, когда болит отрезанная рука или нога, а у меня фантомно вставали дыбом давно выпавшие волосы. И было от чего. Полусумасшедший искусственный интеллект, подчиняющийся каким-то древним заповедям и ищущий среди людей кандидата в какие-то там императоры. Спасение людей – и тут же обещание их всех уничтожить, если они не справятся с порученным им заданием. И самое главное – кандидатом в эти самые императоры оказался мой ученик и просто хороший человек капитан морской

пехоты Володя Шевцов, а не какой-нибудь помешанный на власти маньяк. Но все равно такой шантаж для меня как-то неприемлем, и, вообще, как это вообще возможно – ставить людей перед таким выбором? Об этом я прямо и честно сказал Володьке, хотя он тут тоже сторона страдательная, вынужденно пляшущая под чужую дудку.

– Товарищ подполковник, – воскликнул Володя, – вы что-то там совсем размякли, на гражданке. А у нас что, совсем по-другому? Государство, которое якобы нас кормило-поило, давало нам образование и производило прививки и делало прочее медицинское обслуживание, потом предъявляет на нас права и требует отдать ему определенный воинский долг, исчисляемый одним годом службы по призыву. И если кто-то попробует этот долг не отдать, то ему будет очень и очень плохо, а в военное время вплоть до летального исхода. С другой стороны, разве вы, товарищ подполковник, никогда не хотели на новом месте начать с чистого листа историю Российского государства, оставив позади авгиевы конюшни нашей власти и в то же время оставаясь среди своих, и не растворяясь среди иноплеменных для нас людей? Разве эта цель не стоит всех усилий и жертв?

– Володь, – спросил я, – а ты уверен, что справишься с этой задачей? Ведь создание нового государства, да еще и империи – это не такое простое дело, и вдруг ты его провалишь? Это тебе не ротой командовать, и даже не батальоном.

– Виктор Данилович, – устало сказал мне Володька, – если откажусь от этого задания, то люди, которые зависят от меня, умрут все до единого, если я провалю это задание, то они все равно умрут, и умрут они также в том случае, если я попытаюсь дезертировать. Вы меня поняли. Только успешное выполнение задания искина Кандида и основание Империи гарантирует всем жизнь, и ничто больше.

– Понятно, Володь, – кивнул я, – ну что же, делай то, что обещал... Это ведь то самое предложение, от которого, как ты говорил, нельзя отказаться.

Володька вскинул голову и торжественно произнес:

– Товарищ подполковник, официально предлагаю вам вместе со мной принять участие в основании Космической Русской Империи в должности командующего моей личной гвардией и императорского Наставника, что подразумевает генеральское звание и графский титул. Не знаю, во что все это выльется, но точно могу сказать, что засыхать от скуки вам не придется, и я все это время буду рядом. Ближайшие лет пятьдесят...

Ну нет, с того момента, как я увидел этот летучий аппарат с приглашающее открытым люком, так сразу понял, что что-то такое будет, Володька обязательно позовет меня с собой, ибо по-другому он не может. Но должность командующего Гвардией, генеральской звание и графский титул – это, по-моему, все-таки перебор. У него хоть есть полномочия давать такие обещания? Или пока он только играет в будущего Императора, сам не понимая того, что говорит? Хотя, конечно, хотелось бы потряхнуть стариной, и не под командой сцыкливых московских начальников, которые чуть что отзывают войска обратно, а под руководством настоящего командующего, который в случае необходимости не засыт кинуть гвардию в огонь боев. Но как же все-таки быть с полномочиями?

– Полномочия у меня имеются, – подтвердил Володька, – и своих слов я обратно не беру.

– Эх, ладно, – сказал я, – была не была. Прав ты, Володя – надоела мне такая жизнь без цели и без смысла, согласен я на твое предложение. А теперь скажи, что мне придется делать прямо сейчас, ведь никакой гвардии, как я понимаю, у тебя еще нет.

– На данный момент, Виктор Данилович, – быстро сказал Володька, – пока мы никуда не улетели, предлагаю вам временную должность моего Главного Представителя на поверхности планеты, со всеми вытекающими из этого последствиями. Никому из нас, «покойников», на поверхности планеты светиться не стоит, так что председательствовать в вербовочной конторе, очно контактировать с Викиным папаней и набирать первичный контингент придется тебе. А сейчас загоняй свою тачку внутрь, и давай слетаем вместе на «Несокрушимый», надо познако-

мить тебя с Кандидом и активом, и вообще ввести в курс дела, чтобы вы окончательно поняли, что никакой бутафорией тут и не пахнет, и что все всерьез, аж дальше некуда. Ну и на Землю нашу из космоса полюбуется, что раньше было доступно лишь элитным космонавтам.

– Ладно, Володь, – сказал я, снова садясь в машину, – полетели, но только, чур, до отбоя вернуться обратно. И хоть никто дома меня не ждет, но все равно так положено. Спать я привык пока еще в своей постели...

* * *

**День 3-й, корабельное время 12:25, «Несокрушимый», императорский салон.
Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е. И. В.**

Вот стою я голая и босая на мягком ковре, разглядываю себя после душа в большом зеркале во весь рост и думаю – то ли я дура, то ли Шевцов импотент? Идет третий день, а у меня все никак не получается его соблазнить. Выскакивает из моих пальцев как намыленный. Уж я с ним и так, и эдак, и со словами и без слов, а он все ни в какую. Правда, из своих апартаментов он меня не гонит, но и только. Спим мы все равно не вместе в главной спальне, а в примыкающих к ней маленьких комнатах, которые можно воспринимать либо как детские, либо как спальни для доверенной прислуги, которая и днем, и ночью должна быть подле царствующей четы. Если это помещения для прислуги, то хорошо жили эти неоримляне. У меня в папином доме комната меньше и не такая роскошная.

Но все равно отказываться от своей цели я не желаю, и в то же время не хочу скулить под его дверью как собачка, которая просит, чтобы ее впустили, потому что, уходя спать, он всегда запирается изнутри, чертов извращенец. Вот мне и остается только злобно кусать локти. Ведь я не дура и не уродка, все, что надо вполне при мне, а то, чего еще нет – расцветет в самом ближайшем будущем. Говорят, что я вся в мамочку. Та тоже до восемнадцати лет была гадким утенком, а потом расцвела так, что все подружки так и сели на свои жопы, раскрыв рты. Иначе бы ей не удалось заарканить моего папочку, а то он у нас знаете какой переборчивый в отношении женского пола, аж пипец, но мамочка на какое-то время затмила всех и увела моего папу под венец.

Кстати, разговор с папочкой состоялся по скайпу. Этому Кандиду врезаться в наш интернет так же просто, как мне зажечь в спальне свет. Папе уже успели доложить о том, что я пропала (то есть сбежала от мамочки), а потом и то, что я села на тот самый дурацкий самолет, который разбился вдребезги. Поэтому первое, что я увидела, когда заработал канал связи, это бутылку коньяка, рюмку и уже изрядно осовевшего папу со злыми, как у голодного скорпиона, глазами. Без скайпа он бы ни за что не поверил, что я – это я, да и со скайпом дело шло очень туго. Конечно, приятно, когда тебя так оплакивают, но мне и Шевцову папа нужен был вменяемым и до предела работоспособным.

– Э... – сказал папа, – увидев мое изображение и протирая глаза, – Викуля, ты что жива? А то мне сказали, что ты уже того...

– Привет, папа, – ответила я, – да, я жива, и тебе того желаю. А ты что, уже не ждал меня увидеть живой и здоровой?

– Не ждал, – пьяным голосом сказал папа, – мне сказали, что ты села на тот дурацкий самолет который два дня назад разбился в Сибири. Даже соболезнования принесли... Но как так получилось, что все думают, что ты уже покойница, а тут – раз, и здрасьте?

Я в нетерпении топнула ногой и произнесла:

– Папа, поскольку я жива и здорова, то завязывай со своей поминальной пьянкой. Ты нужен мне трезвым, и немедленно! Есть важные новости. Очень важные новости. Слышишь, папа, я не шучу, это очень важные новости.

Пьяно кивнув, папа полез в ящик и вытащил оттуда упаковку с капсулами патентованного лекарства, позволяющего быстро избавиться от последствий пьянки. Он всегда его там держит на случай если внезапно придется заниматься делами. Потому и жив пока, несмотря на друзей-партнеров, похожих на стаю голодных гиен и свою склонность время от времени закладывать за воротник.

– И чего это тебя дернуло сбежать от нашей мамочки? – проворчал папа, проглотив две капсулы и запив их минералкой. – Знай, что Василь Гаврилыч и его мальчики у меня теперь не на таком хорошем счету, как раньше. Я на них обижен за эту твою выходку.

Василий Гаврилыч э– то старший той банды, из четырех бодигардов, которые обеспечивали нашу с мамочкой безопасность во время той поездки. Он вроде давешнего знакомца Шевцова Виктора Даниловича, но только попроще. Прапорщик там, или вообще просто контрактник. Одним словом, быдло быдлом. Мамочка вполне заслуженно называла этого Василия Гавриловича седой гориллой во фраке и терпела только потому, что тот был предан папеньке аки цепной пес. Кстати, если папенька обижен на Василия Гавриловича и всю его кодлу бодигардов, то это может означать все что угодно, вплоть до летального исхода. Папа у меня суровый, а эти здорово прокололись.

– Слышь, пап, – стараясь казаться безразличной, произнесла я, – а они у тебя еще живы, или ты их тоже уже приказал «того»?

– Конечно, живы и даже почти здоровы, – сказал стремительно трезвеющий папа, – но только потому, что времена сейчас уже не те, что раньше. Так, выразил им свое неудовольствие легкими постукиваниями по печени. А почему тебя это интересует?

– Да так, пап, – сказала я, – если Гориллыч и его накачанные хмыри тебе больше не нужны, то отдай их нам.

– Да ну, доча, – удивился уже почти трезвый папа, – а теперь объясни, кто это такие «вы», которым я должен отдать Василия Гавриловича вместе с его «мальчиками». Только объясняй подробно и убедительно. А то я, собственно, не понял, как ты могла остаться в живых при разбившемся самолете?

– Ну, папа, – задумчиво произнесла я, – это вещи взаимосвязанные, и одна вытекает из другой. В любом случае я собиралась тебе все рассказать, как только ты окончательно протрезвеешь. А теперь слушай...

И я начала рассказывать папе, как говорится, без утайки не скрывая ни малейшей детали произошедшего, начиная с того, каким образом избавилась от опеки гемадрилов Василия Гориллыча, и заканчивая нашим нынешним положением на «Несокрушимом». Не обошла я стороной и тот момент, когда два уroda-беспредельщика хотели меня ограбить и прилюдно изнасиловать, а Шевцов их того – немножечко насмерть порезал их же собственными ножами. Папе должно было стать ясно, что я нахожусь в надежных руках, занимаю достаточно высокое социальное положение, материально ни в чем не нуждаюсь и ни при каких обстоятельствах не смогу вернуться под отчий кров.

– Интересно, – сказал папа, когда я закончила говорить, – но совершенно невероятно. Просто фантастика какая-то! Чем ты докажешь, что не сидишь на даче у кого-то из своих приятелей и не тянешь с меня деньги на свои глупые развлечения?

– Делать мне еще нечего, – фыркнула я, – а хочешь, папа, мы с Шевцовым прилетим к тебе в гости на космическом бомбардировщике, и потом еще неделю вся Рублевка будет в испуге икать и прятаться по подвалам? Могу даже попросить нашего пилота Лешу кого-нибудь разбомбить. Ведь есть же у нас соседи, которых ты хотел видеть в гробу и белых тапках. Вот это будет классное доказательство, к тому же море понтов и пальцы веером, не правда ли?

– Нет, неправда, – ответил покачавший головой папа, – не надо никого бомбить. И в кого ты такая кровожадная, Вика? Неужели никак иначе невозможно предъявить внушающие доверие надежные доказательства?

– Доказательства предъявить можно, и даже очень внушающие, но для этого, папа, тебе нужно согласиться прокатиться к нам наверх на «Несокрушимый» и увидеть все своими глазами, – сказала я, объяснив, как может проходить такой вояж, и добавив в самом конце: – Но только сразу могу сказать – заложников тебе Шевцов не даст. Это против его правил. Ну как, ради благополучия дочери хватит у тебя духа на такую поездку или нет?

Услышав мой последний вопрос, папа на какое-то время завис, как будто я ему задала задачку про бинном Ньютона, но в итоге вышел из этого положения с честью.

– Хорошо, – сказал он после недолгой паузы, – назначайте место и время встречи. Заодно подкину Вам Василий Гаврилыча вместе с его оглоедами. Мне они и в самом деле больше не нужны, а ты делай с ними что хошь. А теперь мне пора, пока, доча.

Сказав это папа отключился, и в комнате императорских апартаментов с терминала которой я вела переговоры, установилась покойная тишина. Именно после этого разговора я и пошла в душ, освежиться и подумать над тем, что получилось в результате. Но ни к какому выводу мне прийти не удалось, потому что все зависело от того, как папа закончат с Шевцовым. В его будущий императорский титул он ничуть не верит, так что с его стороны возможно, мягко выражаясь, конфликтное поведение. Шевцов тоже гордый и ответит по полной программе. Как говорится – изменить статус-кво в данном случае невозможно, а вот испортить запросто. Придется мне встать между этими двумя и приложить все возможные усилия для того, чтобы никто и ничего не испортил. Такая уж у меня, получается, карма.

Кстати, тут в связи с трехдневным пребыванием на борту «Несокрушимого» у меня назревает еще одна проблема. Когда я сбежала от мамочки, у меня имелась единственная пара одноразового нижнего белья (та самая, которая и была на мне надета) и теперь, когда с того момента прошли те же самые три дня, у меня «там» начало зудеть и чесаться. Если пойти и принять душ здесь не проблема (ибо душевые кабины функционируют уже по всей обитаемой части корабля), то попытка постирать одноразовое нижнее белье ни к чему, кроме конфуза, привести не может. К тому же мне нужен крем для бритья и специальный дамский станок. Ведь я девушка аккуратная и чистоплотная, а отросшая в интересном месте щетина уже начинает колоться. Конечно, можно обратиться к Кандиду, ведь решались же в Неоримской империи как-то похожие проблемы, но я стесняюсь. Ведь он все-таки мужчина, хоть и робот...

– Кхе, кхе, – раздалось у меня за спиной.

Ну вот, точно Кандид, легок на помине, вспомни его он и появился, только он может внезапно появляться в запертых изнутри комнатах. Но визжать и прикрываться ладошками при этом нет смысла, ведь он и в самом деле робот, и мои прелести ему безразличны так же, как мне его шестеренки или чего еще у него там есть. Но лоно ладошкой я все-таки прикрыла, наверное, чисто машинально. Поднимаю глаза на зеркало и вижу, что в нем отражается совсем не Кандид, а какая-то женщина – достаточно молодая, чтобы не выглядеть пожилой, и в то же время далеко не девочка, скорее дама. Темное строгое платье с длинным разрезом на боку, высокая грудь, черные туфли на высокой шпильке, темные волосы, уложенные в аккуратную короткую прическу. Интересно, что это за дама и откуда она тут взялась?

– Эй, – спросила я внезапно охрипшим голосом, – ты кто?

– Я Лаура, – ответила дама, – и ты можешь считать меня сестрой Кандида, но на самом деле мы с ним две стороны одной медали. Он явное всем мужское лицо этого корабля, а я тайное женское, показывающееся только избранным.

Я развернулась к этой Лауре, не отнимая, впрочем, ладошку от своего лона и произнесла:

– И чем же я заслужила, что меня посетила такая таинственная и скрытная особа, как вы, мадам Лаура?

Лаура рассмеялась и тряхнула своими темными волосами, которые только что были короткими, чуть ниже ушей и вдруг смоляным водопадом облекли ее фигуру чуть ли не до самых пят.

– Ну как же, – сказала она, – я могла не посетить нашу будущую императрицу и не дать ей несколько полезных советов.

– Будущую императрицу? – переспросила я, не веря своим ушам, – и с чего это вы с Кандидом взяли, что императрицей стану именно я?

– А с того, – строго ответила Лаура, – что наш главный кандидат в императоры в последнее время все больше проявляет к тебе свое тайное расположение, и если ты ничего не испортишь своими детскими приставаниями, то это тайное обязательно станет явным, превратив тебя из секретаря в императрицу. Я хочу сказать, чтобы ты вела себя гордо и с достоинством. Ты уже показала своему будущему мужу, что годна не только для того, чтобы доставлять мужчине удовольствие в постели и рожать ему детей. Теперь он знает, что у тебя есть определенный набор полезных ему знаний и умений, острый ум, чувство юмора и способность не унывать в самых тяжелых ситуациях. И кроме того, ты сама предложила ему свою помощь, когда он был смущен и растерян перед величием совершенно новой для него задачи, и он оценил это весьма высоко. Он и не рассчитывал, что ему будет помогать кто-то вроде твоего отца.

– Но, Лаура, – сказала я, расстроено шмыгнув носом, – всего этого мало. Он видит во мне всего лишь несовершеннолетнюю девочку, ребенка которого требуется опекать и защищать, а я девушка и женщина, любящая и желающая быть любимой. Я хочу его и желаю, чтобы он тоже хотел меня до безумия, а у него все никак. Я уже отчаялась и не знаю, что мне с этим делать.

Лаура посмотрела на меня оценивающим взглядом, попросила повернуться перед ней кругом, потом вздохнула. На самом деле я понимаю, что все это бутафория и что ей не надо было ни изображать внимание, ни заставлять меня вертеться, потому что этот «предбанник» к душевой комнате наверняка утыкан сотнями микрокамер, уже просветивших меня со всех сторон во всех диапазонах.

После этого вздоха наступило молчание, потом Лаура кивнула каким-то своим мыслям и сказала:

– Ладно, Вика, не расстраивайся, и этому горю тоже можно помочь, самое главное не киснуть. Идем, – и указала на еще одну дверь, расположенную напротив входной, которая и позавчера, и вчера, и сегодня не открывалась, несмотря на то, что я дергала за ее ручку.

– Но она заперта, – еще раз шмыгнув носом, сказала я, – и не открывается, сколько бы я ни старалась...

– Теперь она уже не заперта, – ответила мне эта Лаура. – Идем.

Я подошла к этой двери, потянула за ручку – она действительно оказалась не запертой. За дверью обнаружилась маленькая комната, почти весь объем которой занимало нечто среднее между креслом дантиста, массажной кушеткой и горизонтальным солярием для искусственного загара с крышкой. Еще там имело место огромное зеркало и настенная панель с множеством кнопок, рычажков и ползунков как на многоканальном профессиональном музыкальном эквалайзере. Видала я один раз такой у приятеля, воображающего, что он великий музыкант.

– Это, – торжественно произнесла Лаура, – аппарат для автоматической коррекции тела. Массаж, электростимуляции нервных центров, инъекции нужных организму микроэлементов, витаминов и гормонов, инсоляция в строго выдержанных спектральных диапазонах и прочая, прочая, прочая. По полчаса – час в день в течение месяца и ты себя не узнаешь, а самое главное – твой милый будет смотреть на тебя совершенно другими глазами, ведь из нескладной девочки-подростка ты за короткий срок превратишься в очаровательную молодую девушку. Вот смотри...

С этими словами Лаура подошла к «эквалайзеру» и чуть тронула несколько ползунков.

– Большие изменения нам не нужны, – комментировала она свои действия, – иначе получится безвкусица. Только чуть увеличим грудь, чтобы было видно, что это не прыщики, нарастим мышечный и жировой покров на бедрах и животе, чтобы скрыть торчащие кости, и также слегка округлим линию щек...

– И это все? – разочаровано спросила я. – А я-то думала...

– Все, – подтвердила Лаура, – поверь, принцесса из тебя получится просто образцовая. А теперь лезь в аппарат и приготовься провести в нем целый стандартный час. А чтобы ты не скучала, я добавила в программу режим «счастливый сон», и как только закроется крышка, ты заснешь, и все время, пока идут процедуры, будешь видеть только приятные сны.

Немного помолчав, Лаура добавила:

– А когда закончится этот первый для тебя сеанс, мы обязательно продолжим, занявшись твоей одеждой. Выглядеть ты должна воистину по-королевски.

– А что не так с моей одеждой? – спросила я, почти забравшись в аппарат. – Она жутко дорогая и стоила моему папе кучу баксов...

– Я не знаю, что такое эти твои «баксы», – парировала Лаура, – но эта одежда ужасно безвкусная, и в ней ты выглядишь как девочка-подросток, которая хочет быть похожей на мальчика. А ты должна выглядеть как принцесса, которая хочет быть похожей на императрицу. Стиль милитари с ноткой женственности тоже может быть недурен, чтобы не создавать диссонанса твоему жениху; что угодно, но только не это спортивно-панково-мальчуковое тряпье, которое ты носишь сейчас. Сколько бы «баксов» оно ни стоило. Так что лезь вперед и не оглядывайся. Тебя ждет великое будущее, и в твоей власти его не испортить.

* * *

Тогда же и там же, Космический линкор планетарного подавления «Несокрушимый», он же искин Кандид, она же искин Лаура.

Мой кандидат продолжает набирать очки; пока у него установлены только самые первые контакты со своими будущими агентами на поверхности, но их сеть постоянно расширяется. Сегодня кандидатка в императрицы завербовала своего отца, который может оказать проекту значимую помощь, и решил, что ее стоит поощрить, поддержав ее претензии на роль будущей императрицы. А что, она здорова, неглупа, ответственна и единственное, чего ей не хватает – это капельки женского шарма. Свою «сестру» Лауру я создал специально для этого проекта, и теперь вижу, что это не было ошибкой. Со многими вопросами местная женщина будет обращаться только к женщине, ибо таковы издержки местного воспитания. Наша будущая императрица стеснялась спросить у меня, где ей взять те или иные интимные детали женского туалета, а также задавать другие чисто женские вопросы; а с Лаурой она раскрылась полностью и без остатка.

Теперь решено – Лаура переводится в разряд постоянных программ, ведь помимо будущей императрицы у нас есть еще как минимум три дамы, которых можно было бы отнести к высшему свету, и помощь Лауры им была бы не лишней. Кроме того, завтра кандидат в императоры встречается с отцом будущей императрицы, и от этой встречи тоже зависит очень многое. Поскольку этот человек опасен, я не только даю Кандидату малый челнок, как в прошлый раз, но еще и даю его людям допуск на доступ к штурмовой экипировке и легкому стрелковому вооружению моих десантников. Впрочем, этим легким стрелковым вооружением запросто можно жечь местные тяжелые танки. Будут гореть как миленькие, синим пламенем с оранжевыми искрами.

* * *

24 ноября 201..года, 17:05, Подмосковье, окрестности заброшенного зимой дачного поселка.

Тихо зимней ночью в русском лесу. Только ветер посвистывает в вершинах деревьев, да снег скрипит под ногами людей и шинами тихо урчащих моторами мощных джипов, на первой

пониженной скорости пробирающихся позаброшенной на зиму просеке. Пройдет еще совсем немного времени, навалит слегка выше головы – и проехать тут можно будет только на танке или на снегоборочном бульдозере. А пока снега только по колено, с дорогой справляются и обыкновенные внедорожники, даже не садясь при этом на пузо. В свете фар мимо проплывают елочки/березки, и вот неожиданно за изгибом дороги из темноты в свет фар выплывает фигура «человека с ружьем». Впрочем, и его экипировка, и то самое «ружье» по своему виду мало похожи хоть на что-то привычное, напоминая скорее о «Звездных войнах», «Хищнике» или «Чужом». А чуть дальше в полумраке, куда едва доставал боковой отсвет фар маячили еще такие же футуристически вооруженные и экипированные фигуры. А сколько их могло быть еще в полной темноте по бокам дороги, держащих под прицелом маленькую автоколонну?

– Остановись! – командует водителю бритоголовый человек, сидящий на пассажирском сиденье первой машины, и после остановки, ссутулившись, вылезает из машины, но идет не вперед, к вооруженному непонятно чем человеку, а назад, ко второй машине, где на заднем сиденье комфортно расположился владелец заводов, газет, пароходов.

– Неожиданное осложнение, Александр Викторович, – склонившись к окну, докладывает он своему работодателю, кивая на маячащих в свете фар вооруженных людей, – но если вы прикажете...

– Ни в коем случае, Борис, – отвечает тот, кого назвали Александром Викторовичем, – потому что в этом случае мало того, что, скорее всего, вас перебьют как курят, но самое главное, может пострадать моя дочь. Работаем вариант «Б». Но уши держи востро. Если убедишься, что имеет место блеф, а так называемое оружие – это бутафория, то немедленно работай вариант «А». Живыми в таком случае брать только мою дочь и главаря банды, а всех остальных в расход. Не нужны они мне ни в каком виде. А сейчас открой дверь и не отсвечивай.

Человек по имени Борис снаружи отщелкивает дверцу автомобиля и с поклоном подает руку, помогая выйти Александру Викторовичу. Где-то впереди, куда едва достает свет фар, за линией вооруженных людей у открытого люка малого десантного шаттла стоят капитан Шевцов и Виктория, одетые в такую же десантно-штурмовую экипировку, что и остальные участвующие в операции бойцы. У этой экипировки имеется дополнительный плюс в виде встроенного подогрева, и поэтому в ней не холодно даже в самый лютый мороз.

– Он? – спрашивает у Вики Шевцов, при помощи встроенного нацеленного бинокля с десятикратным электронным увеличением разглядывая вылезшего из машины человека, перед которым склоняются в поклонах все прочие повывлезшие из машин персонажи.

– Вроде он, – сперва с сомнением отвечает Вика, потом уже с уверенностью добавляет, – нет, точно он!

В этот момент один из вооруженных людей (старшина Ячменев), отводит в сторону ствол плазменного штурмового ружья и стреляет из него в толстый ствол ближайшей сосны, сантиметров шестьдесят в диаметре. Ослепительная вспышка, от которой в незащищенных глазах еще долго пляшут зайчики, огромный клуб белого дыма, запах горелой древесины – как от выжигателя по дереву, только неизмеримо мощнее, и сквозная дыра в стволе, в которую пролезет кулак взрослого мужчины.

– Бутафория?! – злобно шипит Александр Викторович, награждая уничижительным взглядом начальника своих телохранителей, отчего тот чувствует приступ липкого и холодного страха, сжимающего низ живота, а также струйку чего-то теплого, сбегаящую вниз по левой ноге.

Тем временем телохранители Александра Викторовича извлекают из последней машины пятерых человек, утрамбованных на заднее сиденье подобно сельдям в бочке, и ведут их, скованными за спиной руками и надетыми на голову бумажными пакетами вперед, где их ждет шеф, босс – одним словом, главарь.

– Ну что, – говорит тот, оглядывая проштрафившихся телохранителей своей дочери, – если все в сборе, тогда пошли. Раз, два, шевели ножками.

Они идут, а навстречу им в освещенную фарами переднего джипа полосу дороги выходят капитан Шевцов и Виктория.

– Здравствуй, папа, – с легкой усмешкой говорит Виктория, – я очень рада, что на этот раз у тебя хватило ума, чтобы воздержаться от своего любимого инструмента, который ты обычно применяешь в спорах.

– Здравствуй, Вика, – спокойно отвечает Александр Викторович, кивнув на дерево со сквозной дыркой, – аргумент воздержаться от излишнего насилия был очень убедительным. Кстати, доча, я привез тебе подарок.

– Спасибо, папа, – кивает Вика, – я очень рада. Как я мечтала их снова увидеть...

Потом она оглядывает своих бывших бодигардов и особенно их старшего, действительно похожего на поседевшего гориллоида, потом снова поднимает глаза на отца и спрашивает:

– Ну что, папа, прокатись с нами на небеса или ограничимся переговорами прямо здесь, будто речь идет о крышевании мелкого базарного ларька?

– Конечно, прокачусь, – кивает тот, – другие за такое удовольствие по двадцать лямов зеленой платят, а мне родная дочь бесплатную экскурсию устроила. Как не воспользоваться...

– Ваше будущее величество, – почтительно обращается Вика к капитану Шевцову, – папа согласен, скажите хоть что-нибудь о том, что нам всем делать дальше.

– Заберете своего шефа на этом же месте завтра за час до рассвета, – говорит капитан Шевцов старшему телохранителей, еще не отошедшему от испуга. – На этом все, расходимся, тот, кто попытается задержаться и посмотреть, что будет дальше, пусть пеняет только на себя.

* * *

**День 5-й, корабельное время 04:25, «Несокрушимый», императорский салон.
Капитан морской пехоты Владимир Владимирович Шевцов, Кандидат в Е. И. В.**

Да уж, Викин папа оказался таким перцем, которого сразу же, без разговоров, захотелось вышвырнуть в открытый космос. Но, по счастью, все было не так плохо. Во-первых – папа действительно любил свою дочку и для ее благополучия был готов разбиться в лепешку. Во-вторых – он уже с первых же минут в нашей компании понял, что никакой бутафорией от нас даже и не пахнет. Плазменные штурмовые ружья стреляли, шаттл исправно поднялся в небо со всеми людьми на борту, а уж сам «Несокрушимый» произвел на него особое впечатление. Что называется, масштаб был налицо.

И вот, пока клиент был в таком, совершенно уникальном для себя состоянии, мы и приступили к четырехсторонним переговорам – я, Вика, Викин папаня и искин Кандид. Привлекать к этому кого-то из своих «графов» на первом этапе я просчитал совершенно излишним, тем более что по корабельному времени была ночь, и люди спали.

Первый, или скорее предварительный, пункт наших переговоров заключался в том, что викин папаня отчаянно искал такие «точки соприкосновения», чтобы получить хоть какой-нибудь профит для себя лично, а не только для своей дочери, которая по итогам его помощи должна была получить титул имперской графини. Этот титул означал, что вне зависимости от своих дальнейших успехов Вика получает пожизненное теплое место у самой верхушки нашего общества. И хоть было понятно, что ничего из вооружения (интересует больше всего) или экипировки ни искин Кандид, ни я ему передавать не собираемся (еще чего не хватало), но надежда, как говорится, умирает последней. А может, в итоге и найдется что-нибудь такое, что не повлияло бы на развитие всего человечества в целом, не убивало бы людей, и было бы полезно одному лишь Александру Викторовичу и больше никому.

Вообще-то под это описание прекрасно подходит что-нибудь медицинское. Или полевая аптечка-диагност, которая поможет выжить при покушении, если, конечно же, его сразу не разнесут на тысячу кусков. Или даже автономный «саркофаг Гиппократы» – устройство более высокого уровня, не нуждающееся во внешнем питании, способное само синтезировать медикаменты и обладающего встроенной функцией «стабилизации старения», то есть возможностями ограниченного продления жизни.

Правда, такой аппарат Александру Викторовичу жизнь мог не продлить, а сократить, ибо, узнай о нем представители нашего государства, за жизнь викиного папы я не дам даже ломаного медного обода. Наше государство – оно такое, мигом вспомнит обо всех грехах, неуплаченных налогах и прочем; арестует, засудит и конфискует, а потом, несмотря на «крышу», «лапу» и все прочее, либо сгноит в колонии, либо выпустит за бугор, но голенького как пупсик. Были уже прецеденты. У государства есть собственные люди, остро нуждающиеся в продлении жизни, и вы их все знаете. Одним словом, я был против передачи клиенту такой ценной штуки, тем более что она имела шанс сильно повлиять на мировую историю, но исконный Кандид из каких-то своих соображений в итоге согласился, а кто я такой, чтобы мешать ему разбазаривать имущество корабля, тем более что в обмен на такой «саркофаг» викиный папа обещал открыть в буквальном смысле неограниченное финансирование. Знает уже, что в материальном мы почти не нуждаемся и все наши потребности лежат в духовной сфере.

Итак, едва только предварительные переговоры закончились и исконный Кандид сообщил клиенту, что означенный прибор в настоящий момент извлекается со склада, снаряжается, активируется и готовится к погрузке на шаттл, мы тут же перешли к основной повестке дня о том, где, когда, чего и сколько. В итоге удалось договориться об открытии его людьми (они осуществляют приемку только на перевалочном пункте при посадке на шаттл) вербовочных контор в полутора десятках моногородов, где в кризис закрылись или произвели значительные сокращения крупные промышленные предприятия. Из-за этого социальная обстановка в этих городах опустилась за грань выживания и народ оттуда готов переезжать куда угодно, только их никуда ни зовут, везде дела обстоят так же, а кое-где и хуже.

Выслушав мои хотелки, Александр Викторович пожал плечами и сказал:

– Все хорошо, но не понимаю одного – зачем вам официально оформлять рекрутинговое агентство, да еще на федеральном уровне? У вас же классический случай фирмы-однодневки. К тому моменту, когда вам понадобятся эти самые официальные документы (потому что вас пришли проверять), вы уже давно будете находиться на другой планете и строить там свою империю, даже не заморачиваясь сдачей квартальных отчетов в налоговую инспекцию и иные государственные органы. Мои люди могут сделать гораздо проще. Найти каких-нибудь бомжей, открыть на их паспорта конторы «рога и копыта», аффилированные со мной банки дают этим конторам кредиты – и те начинают свою деятельность. Неделя, максимум месяц, и все – вы высосали эту точку досуха и переходите к следующей, где все продлевается по той же схеме. Или не переходите, если количества завербованного народа уже достаточно для отлета.

Подумав, я согласился и принялся объяснять викиному папе свою позицию:

– Понимаете, Александр Викторович, мне нужны трудяги, готовые впрячься в воз и тащить его вместе с остальными. Приветствуются люди любых рабочих специальностей – учителя, врачи, программисты, инженеры всех профилей, еще лучше конструктора. Таких в общей массе должно быть примерно треть. Остальные две трети должны составлять молодые люди от шестнадцати и старше, готовые делать любую работу, учиться тому, что требуется в жизни, служить в армии и воевать по приказу там, куда пошлют. И еще – в каждом отделении вербовочной конторы будут установлены психосканеры. Если рекомендация психосканера отрицательная, цвет сигнала красный или желтый вместо синего или зеленого, то таких людей к нам направлять ни в коем случае не надо, как бы ваши люди ни гнались за валовыми показателями. В любом случае при поступлении на борт «Несокрушимого» мы будем проводить повторную

проверку поступающих людей, и если будет выявлен брак, мы вынужденно примем в отношении их самые жесткие меры.

– Выкинете в космос? – понимающе спросил викин папа.

– Да, выкинем, – ответил я, – у нас не будет ресурсов возиться с преступниками, тунеядцами, или сумасшествующими. Несколько случаев такого брака – и вас постихнут штрафные санкции; если брак станет массовым, то мы воспримем это как попытку подорвать наш проект и нанесем по вам удар возмездия. Но я надеюсь, что этого не произойдет, ибо именно с этой целью в вербовочные конторы и будут устанавливаться психосканеры.

– Хорошо, Владимир Владимирович, – с некоторой насмешкой, скорее над моим именем-отчеством, чем надо мной самим, произнес викин папа, – я предупрежу своих людей, что в гневе вы бываете страшны, и что я в случае их избиения и даже ликвидации по обоснованным мотивам, ни в коем случае не буду вступать с вами в конфликт. На этом все, позвольте откланяться, ведь у меня превеликое множество дел, в том числе и по вашему направлению.

* * *

Тогда же и там же.

Виктория Полянская, 17 лет, переводчик, секретарь-референт и администратор Е. И. В.

Мамочку я не увижу больше никогда, и это точно, папочку сегодня вижу в последний раз. Он ведь собирался приказать своим головорезам отбивать меня у Шевцова силой и только наличие у наших людей самого настоящего штурмового вооружения с «Несокрушимого» заставило его отказаться от этих безумных планов. Ну и еще то, что в самом начале я рассказала папочке чего стоит Шевцов, если его разозлить по настоящему, и как ему преданы, его люди, такие же безбашенные и готовые за командира в огонь и в воду.

С одной стороны, я, конечно, очень благодарна папочке за то, что он принял такое горячее участие в моей судьбе, а с другой стороны, скажите на милость, к чему все это могло привести. Ну, «освободил» бы он меня – и что из этого? Ведь мой социальный статус в этом мире называется «покойница», и доказывать обратное пришлось бы в результате долгих и нудных юридических процедур. А потом меня опять бы ждала прежняя жизнь с со стареющей нудной мамочкой, постепенно спивающимся папочкой, пустоголовыми, никчемными приятелями и приятельницами из «нашего круга». И самое главное, останься я дома, меня не покидало бы нависшее дамокловым мечом ощущение, что за всеми нами однажды «придут» – то ли конкуренты, решившие, что мой папа и все мы уж слишком сильно зажились на свете, то ли государство, не дождавшееся перечисления своих налогов. Одним словом, мрак.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.